

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

**ЯЗЫК НАУКИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

***

**LANGUAGE OF SCIENCE
AND PROFESSIONAL COMMUNICATION**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2021 № 3 (4)

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Основан в 2020 году
Выходит два раза в год

Индекс подписки в каталоге
Агентства «Роспечать»: 88740

Цена для подписчиков 330 рублей,
в розничной продаже – свободная

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуни-
каций (свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-77983 от 27 марта 2020 г.)

Сайт журнала: <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>

© ФГБОУ ВО «Саратовская государствен-
ная юридическая академия»

ISSN 2658-5138

Редакционная коллегия:**Главный редактор:**

доктор филологических наук, профессор Е. Ю. Балашова (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора:

доктор филологических наук, профессор А.М. Молодкин (Саратов, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент Е. Г. Вьюшкина (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (русский язык):

доктор филологических наук, профессор Е. А. Елина (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (английский язык):

доктор юриспруденции, магистр прикладной лингвистики Дандон Т. (Нью Йорк, США)

Ответственный секретарь:

кандидат филологических наук, доцент Н.И. Илюхин (Саратов, Россия)

Члены международной редакционной коллегии:

доктор филологических наук, доцент О. Ю. Авдеевна (Саратов, Россия)

PhD, доцент С. Билова (Брно, Чешская Республика)

доктор филологических наук, профессор Т. А. Гордеева (Пенза, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент И. Ю. Ессина (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, профессор В. П. Жуковский (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор А. А. Зарайский (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор Т. А. Ивушкина (Москва, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент Е.А. Калинина (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент С. В. Кекова (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор М.Ю. Колокольникова (Саратов, Россия)

PhD, MA, лектор А. Лучак (Варшава, Польша)

доктор педагогических наук В. Мажейкене (Вильнюс, Литва)

доктор филологических наук, профессор Нямжав Нансалмаа (Улан-Батор, Монголия)

доктор филологических наук, профессор Г. Найак (Дели, Индия)

доктор филологических наук, профессор З. Л. Новоженова (Гданьск, Польша)

доктор филологических наук, доцент Л. П. Прокофьева (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент С. А. Рисинзон (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент И. Тосункуоглу (Карабюк, Турция)

кандидат педагогических наук, доцент Ю. А. Фокеева (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор С. П. Хижняк (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент К. Г. Чикнаверова (Москва, Россия)

Editorial Board:***Editor-in-Chief***

Dr. habil., Prof. *E. Yu. Balashova* (Saratov, Russia)

Deputies Editor-in-Chief

Dr. habil., Prof. *A.M. Molodkin* (Saratov, Russia)

Ph.D., Associate Prof. *E. G. Vyushkina* (Saratov, Russia)

Editor for the Russian Language

Dr. habil., Prof. *E. A. Elina* (Saratov, Russia)

Editor for the English Language

J.D., MA in Applied Linguistics *T. Dundon* (New York, USA)

Executive Secretary

Ph.D., Associate Prof. *N. I. Ilukhin* (Saratov, Russia)

Members of the International Editorial Board :

Dr. habil., Associate Prof. *O. Yu. Avdevnina* (Saratov, Russia)

PhD, Assistant Prof. *S. Bilová* (Brno, Czech Republic)

Dr. habil., Prof. *T. A. Gordeyeva* (Penza, Russia)

PhD, Associate Prof. *I. Yu. Essina* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *V. P. Zhukovsky* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *A.A. Zarayskiy* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *T. A. Ivushkina* (Moscow, Russia)

PhD, Associate Prof. *E.A. Kalinina* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. V. Kekova* (Saratov, Russia)

PhD *A. Łuczak* (Warsaw, Poland)

Dr. of Education *V. Mažeikienė* (Vilnius, Lithuania)

Dr., Prof. *Niamzhav Nansalma* (Ulaanbaatar, Mongolia)

DPhil, Prof. *G. Nayak* (Delhi, India)

Dr. habil., Prof. *Z. L. Novozhenova* (Gdansk, Poland)

Dr. habil., Associate Prof. *L. P. Prokofieva* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. A. Risinzon* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *M.Yu. Kolokolnikova* (Saratov, Russia)

Dr., Associate Prof. *İ. Tosuncuoğlu* (Karabük, Turkey)

PhD, Associate Prof. *Yu. A. Fokeeva* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *S. P. Khizhnyak* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *Chiknaverova K. G.* (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Беляев А.С., Лазовская Н.В.</i> Роль личных местоимений <i>I, you, we</i> и <i>they</i> в англоязычном политическом дискурсе	5
<i>Богачева Е.А.</i> Юридический дискурс как тип институционального дискурса в английском языке	11
<i>Журавлев А.С., Лузенина И.Н.</i> Особенности перевода рекламных текстов с английского языка на немецкий	17
<i>Лузенина И.Н., Жуйкова П.С.</i> Особенности клауз в речи автора прозаических художественных произведений	26
<i>Мустафина Д. Д., Полякова В. Ю.</i> Эвфемия в профессиональной коммуникации (на примере медицинского дискурса современного английского языка)	33
<i>Шапвалова О.Н., Мерзлякова Е.С.</i> Способы передачи синестетических метафор и персонификации (на материале перевода австрийской прозы)	41

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Вьюшкина Е.Г.</i> ИКТ в обучении специальной (юридической) лексике и текущем контроле ее усвоения	52
<i>Gorbunova, N.V., Katsun, A.P.</i> New Trends in Education Based on Digitalization	62
<i>Kalinina, M.G., Kaminskaya, E.V., Kudryashova, S.V., Sakovets, S.V.</i> Interactive Methods of Foreign Language Teaching at a Law School (on the Example of English Language)	69
<i>Родионова О.С., Саковец С.А., Лазовская Н.В.</i> Модель перевода как критерий поиска переводческого решения в практике преподавания иностранного языка	86
О журнале	99

ЛИНГВИСТИКА (LINGUISTICS)

УДК 811.111 '42

ББК 81.2 Англ

**РОЛЬ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНЕЙ *I, YOU, WE* И *THEY*
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Беляев Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, al_beljaev@mail.ru

Лазовская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Lazovskaya.natalia@gmail.com

В данной работе авторы обобщают взгляд зарубежных лингвистов на проблему функций личных местоимений *I, you, we* и *they* в англоязычном политическом дискурсе. Авторы в основном концентрируются на особенностях смысловых посылов, которые стоят за этими местоимениями, когда их употребляют политики.

Ключевые слова: личное местоимение, политический дискурс, дейктическая функция, адресат, адресант, коннотация, высказывание.

**THE ROLE OF PERSONAL PRONOUNS *I, YOU, WE* AND *THEY* IN
ENGLISH POLITICAL DISCOURSE**

Alexandr S. Beljaev, ORCID ID 0000-0002-4525-4632, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, al_beljaev@mail.ru

Natalia V. Lazovskaya, ORCID ID 0000-0001-9879-1573, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, Lazovskaya.natalia@gmail.com

In this article the authors generalize the opinion of foreign linguists on the problem of the functioning of personal pronouns *I, you, we* and *they* in English political discourse. The focus is on the peculiarities of the semantic message of these pronouns in the sphere of politics.

Key words: personal pronoun, political discourse, deictic function, addressee, addresser, connotation, statement.

Введение

Считается, что местоимения играют особенную роль в политическом дискурсе [1: 1]. При помощи местоимений политики предстают небезучастными к интересам аудитории и демонстрируют дипломатические навыки. Они убеждают народ, что лучше лидеров им не найти. Если политик соотносит себя с людьми, к которым он обращается, это существенно повышает его шансы на победу, провоцируя ощущение некой общности, единства. Кроме того, некоторые местоимения позволяют политикам подчеркнуть свои позитивные качества и негативные качества оппонентов [1: 2]. Это достигается при помощи целого ряда импликаций, часто через дейктические функции местоимений, а точнее, подчеркиванием различий между понятиями «другой» и «я» [5: 178]. В политическом дискурсе за местоимениями *we*, *you*, *they* или *I* всегда скрывается какая-нибудь проблема [Там же, с. 174]. Использование местоимений поднимает вопросы о сущности языка, власти и представления перед другими как себя, так и своего видения действительности [Там же, с. 178]. По сути то, как политики обозначают себя, своих оппонентов и представителей целевой аудитории – немаловажный элемент функции убеждения, которая является одной из основных в политическом дискурсе [1: 2].

Кроме того, личные местоимения *I*, *you*, *we* и *they* предполагают разную степень вовлеченности политика в то, о чем он говорит, и позволяют ему не указывать на конкретных людей (*he*, *she*). Мы согласны с тем, что употребление местоимений *he* и *she* нередко в политическом дискурсе, однако, на наш взгляд, если политик их избегает, он не переходит на личности, демонстрирует мастерство оратора и в достаточной степени защищен от разного рода обвинений как в нападках, так и в покровительстве.

1. Местоимение *I*

По мнению Николет Бреймли, личное местоимение первого лица единственного числа – одно из самых излюбленных в политическом дискурсе для представления политиками себя [2: 27]. «Я» политика – это его «представитель», адресант сообщения, но совсем необязательно автор этого сообщения [6: 54]. Однако нередко местоимение *I* используется политиками для выражения именно собственного мнения или для того, чтобы придать речи больше субъективизма, подчеркнуть свою значимость, выразить сочувствие к слушающим и т.п. [3: 13]. Однако Эластер Пенникук полагает, что политики в своих

обращениях к гражданам предпочитают звучать не слишком субъективно [5: 3]. Использование местоимения *I* помогает подчеркнуть значимость текущего момента, аудитория начинает ощущать себя именно «здесь и сейчас». Кроме того, политик, часто использующий местоимение *I*, кажется более честным, он выражает личную причастность к важному для всех делу. Его высказывания приобретают личностную окраску, он несколько дистанцируется от аудитории. С одной стороны, выражение личной причастности к делу – это для политика не всегда хорошо, поскольку вина за неудачи может быть возложена персонально на него. С другой стороны, когда политик сообщает хорошие новости, ему очень полезно подчеркнуть личную причастность. Тем не менее, самая веская причина, оправдывающая местоимение *I* в речи политика – это желание выглядеть честным и ответственным [3: 13]. Говоря “I”, англоязычный политик подчеркивает, что он влиятелен, высокоморален и умен, что он способен на поступки и не боится принимать решения.

2. Местоимение *you*

Местоимение *you* позволяет обратиться непосредственно к адресатам или адресату высказывания. Кроме того, это может быть обращение к случайному адресату или некоему посреднику, то есть это необязательно именно тот, кому предназначается информация [6: 54]. К тому же местоимение *you* может быть неопределенным (обобщающим). В этом случае неясно, кто именно является референтом. Неотъемлемое свойство этого местоимения состоит в его многозначности: оно может быть обращено к одному человеку, к множеству людей или выполнять обобщающую функцию. Местоимение *you* чрезвычайно полезно для политика именно как инклюзивное, поскольку в этом случае слушатель или слушатели не противопоставляются адресанту информации [2: 129]. Для сравнения, когда человек говорит *we*, он нередко исключает адресата информации из группы лиц, обозначенных этим местоимением. Э. Пенникук также отмечает, что местоимение *you* подразумевает некое второе лицо, к которому обращаются, но никак его при этом не характеризуют [5: 176]. Таким образом, данное местоимение обеспечивает политика широчайшим спектром стратегий общения и обращения к собеседнику. По мнению Венди Аллен, *you* в обобщающем значении относится также и к говорящему, то есть адресант информации включает себя в эту же группу лиц.

Например: “It always rather shook **me**, when **I** first got married in London, **you’d** be carrying away practically buckets of that every day” [1: 4].

Однако именно аудитория политика решает, считать или не считать себя референтом обобщающего *you* [3: 16]. Самое важное в этих вопросах – это импликация, с помощью которой политик пытается заставить людей идентифицировать себя с той или иной группой. Это видно в следующем примере с обобщающим *you*.

I say: if **you** truly love this country, if **you** truly respect its people, no-one could run to be Prime Minister with anything less than a full commitment to the job [4].

Кроме обобщающей функции, местоимение *you* нередко используется при обсуждении житейского опыта, мудрости, то есть здравого смысла и всеми признаваемых истин [1: 13]. Представление политиками своих позиций и убеждений сквозь призму здравого смысла не дает аудитории возможности сконцентрироваться, задать прямые вопросы и т.д. Этот факт в определенной степени лишь на некоторое время откладывает критику озвученных политических установок со стороны общественности.

3. Местоимение *we*

Местоимение *we* может использоваться как в инклюзивном, так и в эксклюзивном значении. Оба значения могут актуализироваться в рамках одной и той же речи. Все зависит от контекста и фоновой информации, известной как адресанту, так и адресату [6: 62-63]. В зависимости от контекста и личного восприятия ситуации говорящим и слушающим, местоимение *we* может подразумевать как единение лиц определенной группы, так и различия между представителями разных групп. Когда *we* употребляется политиком перед аудиторией, не разделяющей его взглядов, местоимение воспринимается слушающими как эксклюзивное, и наоборот. Выступая перед теми, кто его не поддерживает, местоимением *we* политик обозначает, например, членов своей партии, администрации и т.п. [3: 14].

Пример из речи Дж. Буша старшего, произнесенной в 1990 году: “On economic and monetary union, **we** said: ‘You go on a path leading to a single currency... **We** will decide...whether **we** want to join you.’ And at Maastricht I won for Britain a special provision. **We** are not committed to a goal of a single currency” [6: 62].

В примере, приведенном выше, речь идет об американских военных, правительстве, ООН и о «развитых странах». Буш имеет целью указать на убеждения и ценности американского общества, которые противопоставляют-

ся убеждениям и ценностям примитивных чужаков из лагеря сторонников Саддама Хусейна. Это значит, что местоимение *we* (как и местоимение *they*, которое мы рассмотрим ниже) может использоваться для разделения групп, сообществ и т.п. Понятие «мы» противопоставляется понятию «они». Более того, есть все основания полагать, что в это «мы» Буш включает и себя [6: 63].

Используя инклюзивное *we*, говорящий провоцирует у слушающего ощущение защищенности и единства со «своими». Такое «мы» способно заставить человека действовать, особенно в сочетании с глаголами долженствования, например, *must* или *should*. В таких случаях местоимение *we* можно заменить местоимением *you*, но тогда политик демонстрирует желание избежать ответственности. Местоимения *he/she* продемонстрировали бы прямое перекладывание ответственности на другое лицо, что, как мы говорили выше, ставит политика в невыгодное для него положение. Конструкция *let us* схожа по своему эффекту с инклюзивным *we*, поскольку создает атмосферу совместной деятельности, при этом адресата достаточно мягко призывают включиться в эту деятельность, то есть у человека не возникает стойкого ощущения, что его заставляют. Однако Кейти Уэльс считает, что на практике субъективность и эгоцентричность точки зрения политика редко удается скрыть [6: 68].

4. Местоимение *they*

Как мы уже говорили, местоимение *they* ради эффекта полярности часто употребляется в сочетании с местоимением *we*. Тем не менее, и само по себе местоимение *they* содержит в своем значении идею антагонизма, поскольку соотносится с «третьими лицами», «не нашими», «аутсайдерами» или даже «злыми». То есть индивиды, соотносимые с местоимением *they*, некоторым образом выходят за границы «нормального» общества, они часто воспринимаются как аморальные, чужие или как люди второго сорта.

Например: “As for mankind – here **we** watch our coloured dreams come true, and over there **they** count their ribs in cold perplexity” [6: 60].

Очевидно, что в этом примере люди, обозначенные местоимением *they*, воспринимаются говорящим как недостойные. Более того, *they* в речи политика часто означает тех, на кого он хочет переложить ответственность за неудачи. А поскольку в большинстве случаев в момент речи эти люди физически отсутствуют, прямой конфронтации не возникает, отсутствующих легче

критиковать. В случае с местоимением *they*, коннотация ответственности за действия выражена ярче, чем в случае с местоимением *we*.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что личные местоимения *I*, *you*, *we* и *they* в речи политиков могут подразумевать самые разные смысловые послы. Местоимение *I* указывает на личную преданность делу, но в то же время усиливает риск быть лично обвиненным в тех или иных провалах. Местоимение *you* – самое многофункциональное, поскольку может означать одного человека, множество людей или выполнять обобщающую функцию, когда референт неясен, и, следовательно, риск пострадать минимален. Местоимение *we* употребляется в эксклюзивном и в инклюзивном значении, то есть обладает широким потенциалом для противопоставления взглядов и мнений. Еще шире этот потенциал у местоимения *they*, которое в речи политика становится инструментом для перекалывания ответственности или указания на недостатки оппонентов.

References

1. Allen, W. 2006. Australian political discourse: Pronominal choice in campaign speeches. *Selected Papers from the 2006 Conference of the Australian Linguistic Society*. URL: http://espace.library.uq.edu.au/eserv/UQ:12794/ALLEN_W_ALS2006.pdf (дата обращения: 10.04.2021).
2. Bramley, N. 2001. Pronouns of politics: the use of pronouns in the construction of 'self' and 'other' in political interviews. PhD thesis. The Australian National University.
3. Hakansson, J. 2012. The Use of Personal Pronouns in Political Speeches: A comparative study of the pronominal choices of two American presidents. BA thesis. Linnaeus University.
4. Latham, M. 2004. Latham's campaign launch speech. URL: <http://www.smh.com.au/articles/2004/09/29/1096401627822.html> (дата обращения: 10.04.2021).
5. Pennycook, A. 1994. The Politics of Pronouns. *ELT Journal*, 48(2), 173-178.
6. Wales, K. 1996. Personal pronouns in present-day English. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 81
ББК III

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ТИП ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Богачева Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, kapitolina19@yandex.ru

В данной статье изучаются основы юридического дискурса. Автор интерпретирует юридический дискурс на основе определения особенностей взаимовлияния права, закона и языка. В результате проведенного теоретического анализа исследования следует отметить, что данное исследование расширяет применение системной функциональной лингвистики к анализу разговоров в юридической сфере, а основные принципы и методологии системной функциональной лингвистики открывают новый горизонт для анализа юридического дискурса в зале суда. Анализ таких вопросов в профессиональном и институциональном контексте основан на конкретных точках зрения, различных методологических подходах к анализу юридического дискурса, необходимых для обеспечения многогранного обзора проводимых исследований.

Ключевые слова: юридический дискурс, институциональный дискурс, право, судебная речь.

LEGAL DISCOURSE AS A TYPE OF INSTITUTIONAL DISCOURSE IN ENGLISH

Ekaterina A. Bogacheva, ORCID ID 0000-0003-0340-840X, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kapitolina19@yandex.ru

This article explores the basics of legal discourse. The author interprets legal discourse based on determining the peculiarities of the mutual influence of law, law and language (natural and legal). Because of the theoretical analysis of the study, it should be noted that this study expands the application of systemic functional linguistics to the analysis of conversations in the legal sphere, and the basic principles and methodologies of systemic functional linguistics open up a new horizon for the analysis of legal discourse in the courtroom. The analysis of such issues in a professional and institutional context is based on specific points of view, various methodological approaches to the analysis of legal discourse, necessary to provide a multifaceted review of ongoing research.

Key words: legal discourse, institutional discourse, law, courtroom speech.

Введение

Сегодня недостаточно освещена в науке проблематика настоящего исследования, в лингвистике отсутствуют систематизированные обоснования, каким образом актуализировать дискурс в юриспруденции. Актуальность темы заключается в том, что демократические преобразования влияют на

трансформацию системных знаний о праве общества, возрастает необходимость понимания правового языка социумом для государственного регулирования общественных отношений. Данное исследование заключается в комплексном подходе изучения особенностей функционирования юридического дискурса, что дополняет имеющиеся в научных источниках знания по нашей теме. Юридический язык уже давно находится в центре внимания ученых, в том числе юристов, философов, социологов и лингвистов, особенно дискурсивных и жанровых аналитиков. Чтобы понять, как профессиональные юристы участвуют в своей повседневной деятельности, недостаточно сосредоточиться только на языке, необходимо изучить, как язык используется и эксплуатируется в повседневном профессиональном дискурсе.

1. Юридический дискурс как междисциплинарный вид дискурса

Исследования Н.Д. Арутюновой, В.Г. Борботько, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, А.А. Кибрика, П. Гудрич, М. Фуко и др. показывают отсутствие трактовки понятия «дискурс», который можно было бы исследовать разносторонне [2, 3, 5, 7, 8]. Данный термин распространён в различных научных областях, наделён некой многозначностью понимания со своеобразными смысловыми значениями.

С методологической точки зрения наше исследование основано на теории и практике юридического дискурса с целью выявления возможностей обеспечения целостности информационной, правовой и коммуникативной сторон его сущности в процессе институционального взаимодействия. В.И. Карасик утверждает, что в рамках институционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе типы общения, отражающие специфику соответствующего социального института [4: 278]. Следует отметить утверждение Е.И. Шейгал, что в институциональных дискурсах именно общение является неотъемлемой составной частью их организации [6: 42].

С позиций лингвистики мир права начинается с речи и создается и объявляется словами. Судебные иски и правовые нормы связаны с мыслями, публичными выступлениями и дебатами. С быстрым развитием юридической науки лингвисты придают все большее значение лингвистическим исследованиям в области права. Некоторые из них борются за справедливость с помощью речи, а другие провели большое количество исследований по конкретным делам. Исследования охватывают множество предметов, таких как социолингвистика, психолингвистика, риторика и прагматика.

При анализе дискурсивных ситуаций Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как:

- связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами;
- текст, взятый в событийном аспекте;
- речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1: 136-137].

Также отметим связи юридического дискурса с «юридическими» концептами. К примеру, «закон», «суд», «власть», «вина» и т.д. При этом важны характерные традиционные связи, определяющиеся в сознании носителей языка между конкретными концептами и, соответственно, между видами дискурсов (к примеру, связь концептов «закон» и «грех» в русском лингвокультурном сознании и связи правового и религиозного дискурсов и т.п.). За счет «абстрактных» объектов субъект юридического дискурса может не только обобщать и отождествлять объекты, идеализировать и фиксировать специфичные свойства, при этом определять возможные будущие перспективы на основе ценностного понимания самого содержания и проявления соответствующего субъектного отношения к ним.

2. Лингвопрагматический анализ юридического дискурса

Юридический дискурс включает в себя правовые установки коммуникации в процессе информационно-деятельностного взаимодействия субъектов права. Отношения, оценочные суждения или оценки представляют собой важный аспект судебной речи. Оценка статуса доказательств и применимости соответствующего закона требует способности различать ряд эпистемологических различий. Судебная деятельность обычно включает толкование уставов, различных юридических документов и ранее принятых судебных решений. В случае апелляционных судов существенная часть судебной аргументации включает выражение согласия или несогласия с решениями нижестоящих судов, мнениями, выраженными адвокатами, представляющими стороны, а также мнениями, к которым пришли коллеги-судьи. Судейские заключения не должны содержать каких-либо явных выражений личной позиции, и в то же время судьи вынуждены говорить решительно.

Утверждается, что судебные заключения демонстрируют значительную корреляцию между частым появлением абстрактных существительных в

правовой сфере, принадлежащих к семантически определенной категории «аргументация» (например, *argument* – аргумент, *assumption* – предположение, *claim* – утверждение и т.д.), за которыми следует *that* и их одновременное употребление с лингвистически разнообразными элементами, выражающими оценочное значение. Эти лингвистически разнообразные элементы варьируются от прилагательных (например, *dubious* – сомнительный, *unavailing* – бесполезный, *compelling* – убедительный и т.д.) до глаголов (например, *rejected* – отвергать, *commend* – одобрять, *disapproved* – не одобрять и т.д.) и наречий (например, *inexorably* – неумолимо). Присутствие данных элементов в такой синтаксически ограниченной среде иллюстрирует оценочное значение, которое в значительной степени носит контекстуальный и кумулятивный характер, т.е. оценочное значение не привязано к отдельным словам.

В итоге, оценочные значения не всегда бросаются в глаза: большая часть фразеологизмов с синтаксическими шаблонами *that* демонстрируют «скрытое формирование шаблона», то есть такие шаблоны в языке не очевидны для интуиции или языка в том виде, в каком они наблюдаются в отдельных текстах [11]. Помимо оценочных элементов существует целый ряд существительных, которые остаются незамеченными, потому что они фактически не обозначаются. Согласно утверждениям М.А.К. Халлидей и К. Метиссон, существительные такого шаблона указывают на эпистемический статус предложения, использование в предложении шаблона «существительное + *that*», где само существительное обозначает общие абстрактные существительные важны для эпистемологии [9: 637].

Следовательно, то, что считается фразеологизмом, должно основываться на частоте употребления. Это может быть единица из нескольких слов, и она должна быть семантически мотивированной. Такое исследование оценочного значения опирается на концепцию Сьюзен Ханстон [10: 271] о «семантических последовательностях», а именно «повторяющихся последовательных слов и фраз, которые могут быть очень разнообразными по форме и, следовательно, чаще встречаются в правовых суждениях, а именно в судебном дискурсе. Мы сосредоточились на семантических последовательностях, составляющих грамматический шаблон «существительное + *that*», (или существительные, принадлежащие к семантической категории «Аргументация») с целью изучения частоты и функции отдельных существительных в

этой синтаксической структуре [10]. Рассматривая лексические (словосочетания) и грамматические (сопоставления) среды, в которых появляются имена на заглавные буквы, мы проанализировали повторяющиеся семантические последовательности в судебном дискурсе, чтобы получить более четкое представление о фразеологической структуре, в которой он действует [10]. Для этого мы рассмотрели три основных синтаксических ситуации шаблона «существительное + *that*»:

1) как предмет;

Example: *The fact that ... has no logical bearing on the analysis...* (тот факт, что ... не имеет логического отношения к анализу...).

2) как объект предложения;

Example: *The argument is flawed. It ignores the fact that only relatively recently have the penalty and guilt phases been conducted separately* (Аргумент неуместен, он игнорирует тот факт, что стадия определения наказания и виновности проводились отдельно).

3) данный шаблон предшествует предлогам и поэтому используется в качестве придаточного предложения;

Example: *The dictum may be attributable to the fact that the cases recognizing a defendant's evidentiary rights and the prosecution's duty to prove all elements beyond a reasonable doubt were still decades away* (Решение судьи может быть связано с тем, что бесспорно в обязанности обвинения входит учет всех элементов имеющие значение доказательств подсудимого).

Частые предлоги в юридическом дискурсе играют ключевую роль с синтаксической точки зрения, поскольку вносят свой вклад в создание различных типов предложений.

Заключение

Формирование конкретных дискурсивных практик в профессиональных институциональных сферах не менее актуально для признания теоретически изученных областей интертекстуальности, интердискурсивности и реконтекстуализации в юридическом языке и судебном дискурсе. Законодательные нормы права осуществляют правовое регулирование в той области, в которой наступает правомочие того или иного института права, это же влияет на определение проблематики в соответствии с мотивом юридического дискурса. Коммуникативная направленность дискурса определяет уровень влияния социума на личность человека и наоборот, регулирует правовое поле обще-

ственных отношений. Юридический дискурс обладает специфичностью, представляет собой некую связь текста с достоверностью документационных сведений и языковой идентичностью, язык права наделен аргументацией норм, имеющих фактов. При этом важную роль оказывает обращение к ценностному выбору в совершении определенных действий субъектов как участников юридического дискурса, наделенными личностными качествами субъектов. Обращение к юридическому дискурсу обусловлено социальной потребностью общества в правовых институтах, это постепенно приведет к урегулированию социальных отношений.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. *Борботько В.Г.* Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. Москва: URSS, 2006.
3. *Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. Серия «Теория и история языкознания». М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С.33-58.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. – 477 с.
5. *Кибрик А.А.* Функционализм и дискурсивно ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 307-323.
6. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
7. *Foucault M.* The archaeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972.
8. *Goodrich P.* Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L.: The Macmillan Press LTD, 1987.
9. *Halliday M.A.K., Matthiessen Ch.* An introduction to Functional Grammar. 3rd ed. London: Hodder Arnold, 2004.
10. *Hunston S.* Starting with the small words: patterns, lexis and semantic sequences // International Journal of Corpus Linguistics. Vol. 13. P. 271-295.
11. *Sinclair J. M., Coulthard R.M.* Towards an Analysis of Discourse: The English used by teachers and pupils. London: Oxford University Press, 1975.

References

1. Arutyunova, N.D. (1990) Diskurs [Discourse]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 136-137 (in Russian).

2. Borbotko, V.G. (2006) Principy formirovaniya diskursa: ot psiholingvistiki k lingvosin-ergetike [The principles of Discourse Formation: From Psycholinguistics to Linguosynergetics]. M.: URSS (in Russian).

3. Karasik, V.I. (2000) Etnokul'turnye tipy institucional'nogo diskursa [Ethnocultural types of institutional discourse]. *Etnokul'turnaya specifika rechevoj deyatel'nosti: sbornik obzorov. Seriya «Teoriya i istoriya yazykoznanija»* [Ethnocultural specificity of speech activity: collection of reviews. Series «The theory and history of linguistics»]. M.: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 33-58 (in Russian).

4. Karasik, V.I. (2002) Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena (in Russian).

5. Kibrik, A.A. (1997) Funkcionalizm i diskursivno orientirovannye issledovaniya [Functionalism and Discursively Oriented Research]. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoj amerikanskoj lingvistiki: sbornik obzorov* [Fundamental Directions of Contemporary American Linguistics: collection of reviews]. Ed. A.A. Kibrik, I.M. Kobozeva, I.A. Sekerina. M.: Publishing house of Moscow State University, 307-323 (in Russian).

6. Sheigal, E.I. (2004) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. M.: Gnosis (in Russian).

7. Foucault, M. (1972). The archaeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon.

8. Goodrich, P. (1987) Legal Discourse: Studies in Linguistics, Rhetoric and Legal Analysis. L.: The Macmillan Press LTD.

9. Halliday, M.A.K., Matthiessen, Ch. (2004). An introduction to Functional Grammar. 3rd ed. London: Hodder Arnold.

10. Hunston, S. Starting with the small words: Patterns, lexis and semantic sequences. *International Journal of Corpus Linguistics*, 13, 271-295.

11. Sinclair, J. M., Coulthard, R.M. (1975). Towards an Analysis of Discourse: The English used by teachers and pupils. London: Oxford University Press.

УДК 347.78.034

ББК 81.0

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕМЕЦКИЙ

Журавлев Александр Сергеевич, студент с-ПРП-21, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., alleksandr1997@outlook.com

Лузенина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., inluz@mail.ru

В статье рассматриваются переводческие трансформации, возникающие при переводе рекламных текстов из сегментов косметики, продуктов питания, бытовой техники с английского языка на немецкий, в контексте тесной взаимосвязи основных и второстепенных коммуникативных функций рекламного текста обосновывается необходимость исследования этих переводческих трансформаций с точки зрения сохранения стилистических, лексических и грамматических интенции языка оригинала. Таким образом, цель исследовательской работы, результаты которой изложены в этой статье, заключается в том, чтобы на материале электронной версии англоязычных рекламных слоганов и роликов выявить переводческие трансформации, возникающие при переводе рекламных текстов на немецкий язык, и проследить лингвокультурные и функциональные особенности репрезентации информации в языке оригинала и их адекватную передачу при помощи трансформаций на язык перевода. При сборе и анализе фактологического материала были использованы методы сравнительной выборки, количественного анализа и описательный метод. В ходе исследования были установлены наиболее часто используемые переводческие трансформации – это транскрипция, транслитерация, дословный (полный) перевод, обобщение, конкретизация, функционально-грамматические замены. В процессе перевода и анализа его результатов особое внимание уделялось описанию экстра- и интралингвистических причин использования трансформационных замен.

Ключевые слова: рекламный текст, переводческие трансформации, стилистические особенности рекламных текстов

FEATURES OF TRANSLATION OF ADVERTISING TEXTS FROM ENGLISH TO GERMAN

Alexander S. Zhuravlev, student of s-PRP-21, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, alleksandr1997@outlook.com

Irina N. Luzenina, ORCID ID 0000-0001-6628-258X, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, inluz@mail.ru

The article deals with the translation transformations that occur when translating advertising texts-the engines of trade from the segments of cosmetics, food, household appliances from English to German, in the context of the close relationship between the main and secondary communicative functions of the advertising text, the need to study these translation transformations in terms of preserving the stylistic, lexical and grammatical intentions of the original language is justified. Thus, the purpose of the research work, the results of which are presented in this article, is to use the material of the electronic version of English-language advertising slogans and commercials to identify the translation transformations that occur when translating advertising texts into German, and to trace the linguistic, cultural and functional features of the representation of information in the original language and their adequate transmission by means of transformations into the target language. When collecting and analyzing factual material

Keywords: advertising text, translation transformations, stylistic features of advertising texts

Экономическое развитие трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства инициировало интерес лингвистической науки к адекватному переводу рекламных текстов – двигателей торговли, который учитывал бы все стилистические, лексические и грамматические интенции языка оригинала [1: 63]. Объектом настоящего исследования является рекламный текст в английских слоганах и рекламных роликах. Предметом исследования являются экстра– и интралингвистические особенности использования переводческих трансформаций при переводе англоязычных рекламных текстов на немецкий язык.

Цель данной работы заключается в том, чтобы на материале электронной версии англоязычных рекламных слоганов и роликов выявить переводческие трансформации, возникающие при переводе этих текстов на немецкий язык, и проследить лингвокультурные и функциональные особенности репрезентации информации в языке оригинала и их адекватную передачу при помощи трансформаций на язык перевода. Для успешной реализации поставленных целей мы постарались решить в нашей работе следующие задачи:

- проанализировать различные определения рекламного текста, постарались дать свое собственное определение, включающее языковые и внеязыковые характеристики;
- выделить типы рекламных текстов;
- классифицировать рекламные слоганы и ролики по сегментам: «Косметика», «Продукты питания», «Бытовая техника»;
- сравнить англоязычные и немецкоязычные рекламные слоганы и ролики и определить виды переводческих трансформаций;
- проанализировать экстра– и интралингвистические особенности репрезентации информации в языках-партнерах.

Методологической базой исследования послужили труды В.Н. Комиссарова [5], А.Д. Беловой [2] и Е.Г. Сомовой [6]. В работе нами были использованы методы сравнительной выборки, количественного анализа и описательный метод.

Рекламный текст, в отличие от других нарративов, несет в себе не только определенную информацию, его главная задача заключается в том, чтобы побудить потребителя, порой с определенной вербальной агрессией, лестью, игрой на чувствах, купить определенные товары или услуги. Рассмотрим

общепринятую классификацию и взаимосвязь основных и второстепенных коммуникативных функций рекламного текста более подробно:

1) основная коммуникативная функция – передача определенной информации потребителям;

2) основная регулирующая функция – способность информационного поля влиять на сознание, мнения и поведение потребителей;

3) второстепенная функция заключается в том, что реклама не только представляет товар в красивых картинках, но и убеждает потребителя в том, что товар ему абсолютно необходим;

3) вторичная обобщающая функция служит для установления взаимосвязи товара и представления людей об определенном товаре, чтобы покупатель смог приобретать товар в соответствии с представлениями о нем [3: 5-12].

Однако, на наш взгляд, третья в общепринятой классификации второстепенная функция рекламного текста может быть также причислена к основным функциям, так как по сравнению с другими формами маркетинговых коммуникаций, язык рекламы выполняет побудительную функцию, отличительными чертами которой является направленность на реализацию товаров и услуг, иначе вообще возникает вопрос в целесообразности существования этого вида текста.

Задача каждого переводчика рекламных текстов сложна тем, что в первую очередь следует добиться перевода оценочно-экспрессивной информации без потери смысла текста-оригинала. Переводчик должен убедиться, что на реципиента перевода оказывается такое же психологическое и эстетическое воздействие, как и на получателя рекламного текста на языке оригинала. Поэтому переводчик должен владеть не только терминологией рекламного дискурса, но и лексическими, грамматическими и стилистическими особенностями языка оригинала и перевода.

Вслед за В.Н. Комиссаровым мы выделяем следующие лексические и грамматические типы переводческих трансформаций [5: 159-165]:

1) лексические трансформации: транскрипция, транслитерация, обобщение, лексико-семантические замены (конкретизация, обобщение, модуляция), антонимический перевод, объяснение (описательный перевод), компенсация;

2) грамматические трансформации включают в себя синтаксическую ассимиляцию (дословный перевод), членение предложений, объединение

предложений (изменение порядка в серии предложений или в структуре предложения), грамматические замены (формы слова, части слова или части предложения).

Рассмотрим наиболее частотные случаи переводческих трансформаций при переводе рекламных слоганов и роликов с английского языка на немецкий. Следует отметить, что нами рассматриваются и анализируются все структурные части рекламы: заголовок, слоган, основной текст и эхо-фраза, поскольку все эти структурные части вызывают определенные трудности при переводе.

1. Прием обобщения с опущением уточняющей лексической единицы используется в рекламе известного бренда *Bosch*.

Nature doesn't need your old electric drill from Bosch. «Природе не нужна твоя старая электродрель.»

Die Natur braucht Ihre alte Bohrmaschine von Bosch nicht.

В этом примере в выражении *old electric drill from Bosch* опущен элемент *electric*, на языке перевода эта фраза звучит *alte Bohrmaschine von Bosch*. Опущение обусловлено тем, что основное внимание в этом рекламном тексте уделяется теме защиты окружающей среды. И это обобщение помогает создать аргументированную основу для отказа от какого-либо старого электрического оборудования. Обобщение убеждает аудиторию в правомерности такого требования.

2. Грамматическая замена на примере рекламного слогана напитка *Schweppes*.

Schhhh! You know who? «Шшшш! Знаете что?»

Shshshsh! Weißt du was?

Местоимение *who* в немецком переводе обозначает живой объект *wer*, но мы знаем, что местоимение *who* соответствует местоимению *what*, в случае, когда задается общий вопрос об объекте, действии или неодушевленных предметах. Поэтому мы использовали грамматическую замену *who* на *was*.

3. Конкретизация и описательный перевод также часто используется при переводе, рассмотрим этот прием на примере рекламы духов *Jadore*, рекламы корма для животных *Pedigree*, рекламного ролика йогурта *Actimel*.

Jadore. With Jadore, Dior created a universal generous? Feminine and highly floral perfume. It is perfect for women and their every lives , celebrating each new day as it comes. It represents the energy of life, pleasure and glamour. THE

LEGEND. «Это универсальный, многогранный и исключительно женственный цветочный аромат. Он сопровождает женщин в повседневной жизни, превращая будни в яркий и незабываемый праздник. Олицетворение радости жизни, удовольствия и роскоши. ЛЕГЕНДА.»

Schuf Dior mit Jadore ein universelles Parfüm? Feiner und äußerst weiblicher Blumenduft. Er begleitet Frauen im Alltag und verwandelt den Alltag in einen hellen und unvergesslichen Urlaub. Er repräsentiert Lebensfreude, Vergnügen und Luxus. LEGENDE

Слово *generous* было заменено на слово с конкретным значением *Parfüm*. Как правило, словарный запас немецкого языка характеризуется большей точностью, чем соответствующие лексические единицы английского языка. Допущение конкретизации при переводе этой статьи позволило заменить выразительное лексическое единство в английском языке конкретным и нейтральным лексическим единством в немецком без потери эмоционального воздействия. Конкретизация *verwandelt den Alltag in einen hellen und unvergesslichen Urlaub* помогает оказать желаемое влияние на выбранную целевую аудиторию.

Pedigree. They'd have an undivided attention morning, noon and night if they could, but sometimes they have to entertain themselves for a while. That's why Pedigree jumbone comes in. It's a tasty chew with meaty scent that they can really get the teeth into. Pedigree. We are for dogs. «Была бы их воля, они бы получали пристальное внимание утром, днем и вечером. Но иногда им приходится развлекаться самим. Pedigree jumbone не даст им скучать. Сочная жевательная косточка со вкусом настоящего мяса увлечет их настолько, что время пролетит незаметно. Pedigree. Просто мы действительно любим собак.»

Wenn die Hunde könnten, würden sie morgens, mittags und abends feines Hundefutter genießen, aber bis jetzt müssten sie sich das nicht leisten. Deshalb kommt Hundefutter Pedigree Jumbone ins Spiel. Das ist ein köstliches Kauen mit einem Fleischgeruch, in das sie wirklich mit den Zähnen einweichen können. Pedigree. Wir existieren eigentlich für Hunde.

В основном тексте рекламы присутствует элемент персонификации. Корм *Pedigree* выступает не только как еда для собак, но и в качестве отличного средства, способного избавить четвероногого друга от скуки. Эта особенность нашла свое отражение в переводе рекламного ролика. Также в

переводе был использован прием комплексного преобразования устойчивого сочетания *they can really get the teeth into* «крепко, горячо взяться за что-либо», дословный перевод которого привел бы к искажению первоначального смысла оригинала, эту фразу мы передали на язык перевода описанием *in das sie wirklich mit den Zähnen einweichen können* «в которую они действительно могут вцепиться зубами».

При переводе часто случается, что словарный запас немецкого языка более специфичен, чем его аналогичные лексические единицы в английском языке, поэтому при переводе английского местоимения *they* мы использовали конкретизацию – лексические единицы с более узким значением *die Hunde, feines Hundefutter*.

Рассмотрим заключительную фразу – слоган рекламного ролика. Его дословный перевод *Wir sind für Hunde* «Мы существуем для собак» снижает эмоциональную нагруженность, которая обязательно должна присутствовать в слогане, поэтому для того чтобы сохранить эмоционально-оценочный компонент мы использовали в переводе конкретизацию глагола “are” и в итоге получили эмоционально окрашенный слоган *Wir existieren eigentlich für Hunde* «Просто мы действительно любим собак». Этот слоган является общепринятым и не безосновательно, так как он выражает заинтересованность производителя в судьбе животных и располагает к себе покупателей – любителей собак.

Actimel. It's a little thing in life that can make a difference. They might be unexpected, they might be your choice...like drinking Danone Actimel every day. Danone Actimel – A little every day goes a long long way. «Наша жизнь состоит из мелочей. Иногда они неожиданные, а иногда их создаем мы сами... например, Actimel от Danone на каждый день. Немного Danone Actimel каждый день позволит совершить Вам очень долгий путь».

Es ist eine kleine Sache im Leben, die einen Unterschied machen kann. Sie könnte unerwartet sein, sie könnte Ihre Wahl sein...wie jeden Tag Danone Actimel zu trinken. Mit einem Schluck Danone Actimel hast du einen fröhlichen Rutsch in den Alltag.

Весь рекламный ролик строится на антитезе: противопоставляются мелочи жизни и их значительность, масштабность. Первое предложение в основном тексте подверглось целостному преобразованию, так, английский вариант *make a difference* заменен на слово с широким значением *machen*,

здесь использована также синтаксическая трансформация: вместо простого предложения было использовано сложноподчиненное с придаточным определительным. Но несмотря на целостное преобразование, смысл фразы сохранился, более того, она стала еще более емкой и запоминающейся. Нам не удалось сохранить структуру слогана *A little every day goes a long long way* в форме устойчивого метафорического сочетания в языке перевода, поэтому мы ее развернули до описательного перевода. Дело в том, что компании Danone выступает за продвижение здорового образа жизни, и ее идея, выраженная в слогане, заключается в том, что если пить йогурт Actimel даже понемногу каждый день, ваш организм станет более здоровым и выносливым. В немецком языке не существует общепринятой метафоры с подобным значением, именно поэтому мы были вынуждены прибегнуть к описательному переводу.

3. Синтаксическая и лексическая (синонимичная замена, генерализация) трансформации на примере рекламы косметики *Dove* и рекламы мороженого *Carte D'Or Strawberry*.

Why do we search the universe for only one type of beauty? When the universe has so much more. Real beauty is universal.

Warum suchen wir weltweit nur eine Art von Schönheit, wenn das Weltall so viel mehr hat? Die wahre Schönheit ist universal.

Синтаксическая трансформация предложения была вызвана различиями в синтаксической структуре двух языков.

В основе синонимической замены *the universe* → *weltweit* лежат отношения равнозначности между понятиями, когда объем одного понятия проецируется на объем другого понятия, выбор лексической единицы немецкого языка обусловлен ее частотностью [Ср.: 4: 33].

Рассмотрим рекламный ролик итальянского мороженого *Carte D'Or Strawberry*.

Looking for love? Ice cool temptress with melting strawberry heart would love to meet discerning taste buds for deeply rewarding relationships. Carte D'Or Strawberry. «Ищешь любовь? Леденящая душу искусительница с нежным клубничным сердцем познакомится с тем, кто имеет хороший вкус, для долгих глубоких отношений. Carte D'Or Strawberry.»

Auf der Suche nach Liebe? Ice Cool Temptress mit schmelzendem Erdbeerherzen würde gerne einen anspruchsvollen Kenner der Szene für zutiefst lohnende Beziehungen treffen. Carte D'Or Strawberry.

Весь ролик является метафоричным. Текст начинается с заголовка – вопроса для привлечения внимания зрителя, далее следует основной текст, в нем мороженое сравнивается с соблазнительной девушкой, которая ищет идеального мужчину – покупателя. В тексте покупатель представлен как *discerning taste buds* «распознающие вкусовые рецепторы, расположенные на языке». Однако использование такого соответствия в переводе было бы грубой стилистической ошибкой, поэтому мы посчитали необходимым произвести замену с перераспределением семного состава и генерализацию. В итоге получился вариант *Kenner der Szene* «искушенный во вкусе знаток», здесь сема «вкус» выполняет одновременно две задачи: сохраняет изначальный смысл фразы *taste buds* и передает значение прилагательного *discerning*.

Итак, адекватный перевод рекламного текста с английского языка на немецкий вызывает определенные трудности. Эти трудности обусловлены тем, что переводчик должен создать культурную, социолингвистическую и эмоциональную атмосферу оригинала и, следовательно, использовать ряд переводческих трансформаций. Установлено, что при переводе рекламного текста наиболее часто используются следующие трансформации: транскрипция, транслитерация, дословный (полный) перевод, обобщение, конкретизация, функционально-грамматические замены.

Список литературы

1. Бабушкина В.В., Вьюшкина Е.Г., Ессина И.Ю. Формирование лингвокультурной парадигмы в условиях цифровой среды. Саратов: Амирит, 2020.
2. Белова А.Д. Особенности перевода рекламных текстов // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 146-147.
3. Зарайский А.А., Морова О.Л., Полякова В.Ю. Практикум по стилистике английского языка: учебное пособие для аудиторной и самостоятельной работы студентов филологических специальностей. М.: Флинта, 2019.
4. Жуйкова П.С., Лузенина И.Н. Стилистические особенности искусствоведческого дискурса // Язык и мир изучаемого языка. 2019. Вып. 10. С. 31-35.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. С.159-165.
6. Сомова Е.Г. Специфика процесса трансформации при переводе рекламных текстов // Актуальные проблемы рекламы и связей с общественностью: концепции, техники,

технологии: материалы II Международной научно-практической конференции (23 апреля, 2018, КГУ). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 136-140.

References

1. Babushkina, V.V., Vyushkina, E.G., Yessina, I.Yu. (2020) Formirovaniye lingvokul'turnoy paradigmy v usloviyakh tsifrovoy sredy [Formation of the linguistic and cultural paradigm in the digital environment]. Saratov: Amirit (in Russian).
2. Belova, A.D. (2012) Osobennosti perevoda reklamnykh tekstov [Features of translation of advertising texts]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniyay* [Successes of modern natural science], 5, 146-147 (in Russian).
3. Zaraiskiy, A.A., Morova, O.L., Polyakova, V.Y. (2019) Praktikum po stilistike angliyskogo yazyka: uchebnoe posobie dlya auditornoy i samostoyatel'noy raboty studentov filologicheskikh spetsial'nostey [Workshop on stylistics of the English language textbook for classroom and independent work of students of philological specialties]. Moscow: Flinta (in Russian).
4. Zhuikova, P.S., Luzenina, I. N. (2019) Stilisticheskiye osobennosti iskustvovedcheskogo diskursa [The stylistic features of art discourse]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka* [Language and the World of the Language Studied], 2019, 10, 31-35 (in Russian).
5. Komissarov, V. N. (2002) Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]. Moscow: ATS (in Russian).
6. Somova, E.G. (2018) Spetsifika protsessa transformatsii pri perevode reklamnykh tekstov [Specifics of the transformation process in the translation of advertising texts]. *Aktual'nye problemy reklamy i svyazey s obshchestvennost'yu: kontseptsii, tekhniki, tekhnologii: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of advertising and public relations: concepts, techniques, technologies: materials of the II International Scientific and Practical Conference (23 April, 2018, KGU)]. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 136-140 (in Russian).

УДК 81.111

ББК 81.432.1

ОСОБЕННОСТИ КЛАУЗ В РЕЧИ АВТОРА ПРОЗАИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Лuzенина Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., inluz@mail.ru

Жуйкова Полина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., juikova.poly@bk.ru

В статье рассматриваются структурные и прагматические характеристики клауз в речи автора прозаического художественного произведения. В качестве материала исследования выступают произведения британских и американских писателей. Под клаузой в данной работе понимается единица синтаксиса, состоящая из подлежащего и сказуемого. В фокусе внимания исследования находятся как неинвертированные, так и инвертированные клаузы. В процессе анализа были использованы метод количественного анализа и описательный метод. Анализ фактического материала выявил превалирование клауз в составе поликомпонентных синтаксических единиц. Это обусловлено тем, что речь автора относится к письменной речи, для которой характерно использование усложненных синтаксических конструкций. Анализ прагматического потенциала клауз позволил установить преобладание клауз, специализирующихся на реализации информативной и экспрессивной функции.

Ключевые слова: клауза, речь автора прозаического художественного произведения, инвертированные и неинвертированные клаузы, прагматические функции.

FEATURES OF CLAUSES IN THE AUTHOR'S NARRATIVE IN NOVELS

Irina N. Luzenina, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, inluz@mail.ru

Polina S. Zhuikova, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, juikova.poly@bk.ru

The article investigates structural and pragmatic features of clauses employed in the author's narrative in novels written by contemporary American and British writers. The clause is defined as a syntactic unit consisting of a subject and a predicate. The article focuses on inverted and uninverted clauses. It employs the descriptive method and the method of quantitative data analysis. The analysis reveals that most of the clauses in the author's narrative are the components of polycomponent syntactic units which are typical of written speech. The findings also indicate that most clauses under analysis fulfil informative and expressive function.

Key words: clause, the author's narrative in novels, inverted and uninverted clauses, pragmatic functions.

Речь автора, помимо речи персонажей, традиционно считается основным типом изложения в прозаическом художественном произведении [1: 13]. Речь автора сочетает в себе повествование, несущее основную сюжетную нагрузку; рассуждение, дающее читателю представление об авторской позиции и являющееся способом авторского самовыражения; описание, создающее пространственный фон прозаического художественного произведения.

Материалом настоящего исследования послужили романы английских и американских писателей второй половины XX века.

Поскольку речь автора относится к письменной речи, для нее характерно использование усложненных синтаксических конструкций с несколькими клаузами [3: 291]. Поэтому как неинвертированных, так и инвертированных клауз в составе поликомпонентных синтаксических единиц больше, чем в абсолютной позиции, причем если неинвертированных неавтономных клауз практически в четыре раза больше, чем автономных (76,5% и 23,5% соответственно), то количество неавтономных и автономных инвертированных клауз распределилось практически равномерно и составляет 51,2% и 48,8%. Равномерное распределение неавтономных и автономных инвертированных клауз связано с большим количеством в корпусе автономных клауз с оборотом *there is / there are* (41,8%), которые в данном исследовании рассматриваются как автономные инвертированные клаузы. Подобно сценическим ремаркам в пьесах, они создают пространственный фон произведения и, как и сценические ремарки, тяготеют к предельной лаконичности. Ср.:

There was a desk against the far wall (Parsons J. Eager to Please).

There was a heap of shirts on the floor, apparently ready for the cleaner (Gutcheon B. Domestic Pleasures, p. 19).

В речи автора зарегистрированы как неинвертированные, так и инвертированные клаузы, причем наивысшей частотой употребления характеризуются клаузы с частичной инверсией (88,3%), значительная часть которых (86,5%) содержит оборот *there is / there are*, где имеет место частичная инверсия при интерпозиции сказуемого. Ср.:

There was a pile of pages in a plastic-covered folder (Parsons J. Eager to Please);

There were two chairs opposite Robert Di Silva's desk, but he did not invite Jennifer to sit (Sheldon S. Rage of Angels).

Клаузы с частичной инверсией при интерпозиции подлежащего представлены в речи автора прозаического художественного произведения незначительным количеством примеров (1,8%), что обусловлено тем, что данная разновидность частичной инверсии характерна для вопросительных клауз, основной сферой употребления которых является диалогическая речь [2: 122]. Среди клауз с частичной инверсией при интерпозиции подлежащего, зарегистрированных в материале исследования, преобладают клаузы

с инициальным наречиями *neither / nor*, усиливающими значение содержащегося в них отрицания. Ср.:

He was never drunk, but neither was he ever sober (Sheldon S. Rage of Angels);

Muggers did not wear tailored suits, Gucci shoes and silk ties. Nor did they have long, sensitive hands with carefully manicured nails (Sheldon S. Rage of Angels);

Rydal, in his office, lit and relit a pipe, used up match after match, and sought to attend to his paper work and could not, nor could he think what money he should offer to Ruth Bryce or whether she would even accept it from him (Hill S. In the Spring Time of the Year).

Единичные примеры клауз с частичной инверсией при интерпозиции подлежащего имеют вопросительную структуру. Как правило, это риторические вопросы, минимальное количество которых в материале исследования обусловлено нетипичностью риторических вопросов для авторского повествования в современной художественной литературе. В отличие от конвенциональных вопросов, употребляемых для запроса информации, у риторических вопросов отсутствует вопросительная целеустановка. Риторические вопросы, как правило, используются для выражения усиленной констатации [6: 434], причем констатация передается косвенно, то есть смысл риторического вопроса всегда отличается от значения его формы [4: 36-37]. Так, первый из нижеприводимых примеров имплицитно отрицание, второй – утверждение. Ср.:

She knelt, but she was unable to pray. She was not a religious person; why would God listen to her now? (Sheldon S. Rage of Angels). (= God would **not** listen to her now);

But if, like these Africans, one believed in some kind of divine being, wasn't it just as possible for a god to exist in this empty region as in the empty spaces of the sky where men had once located him (Greene G. A Burnt-Out Case)
(...= it was possible for a god to exist in this region ...).

Количество клауз с полной инверсией, начинающихся с обстоятельства места, не превышает 8,3 %:

On the dresser was a parcel, wrapped in brown paper (Hill S. In the Spring Time of the Year);

On the chest was a photograph of her parents – two happy elderly people who had married late and had one child (Greene G. A Burnt-Out Case).

Как клаузы с полной инверсией, начинающиеся с обстоятельства места, так и клаузы с частичной инверсией, вводимые оборотом *there is / there are*, относятся к бытийным клаузам и традиционно используются в описаниях, к которым авторы прозаических художественных произведений прибегают достаточно часто. Однако количество бытийных клауз с полной инверсией в материале исследования незначительно. На наш взгляд, это связано, во-первых, с тем, что в английском языке полная инверсия возможна в клаузах, начинающихся с обстоятельства места, только при наличии в клаузе субъектного глагола [5: 396-397]. Поскольку значительная часть английских глаголов является объектными глаголами, “обстоятельственная” инверсия относится к числу малочастотных явлений в речи автора прозаических художественных произведений.

Ввиду предметной направленности речи автора прозаического произведения, абсолютное большинство неинвертированных клауз (73,4%) в проанализированном материале носит информативный характер. Ср.:

Rudolph bought his clothes in town, in Port Philip, at Bernstein Department store (Shaw I. Rich Man, Poor Man);

Jennifer watched as a man said something to Di Silva, detached himself from the group around the District Attorney, and hurried over to Jennifer (Sheldon S. Rage of Angels).

Информативную функцию выполняет и большинство инвертированных клауз (71,5%). Клаузы с оборотом *there is / there are* и клаузы с полной инверсией, начинающиеся с обстоятельства места, традиционно используются в описаниях, поэтому в материале исследования они чаще, чем неинвертированные клаузы, употребляются в качестве средства создания пространственного фона произведения. Ср.:

There was a security gate at the apartment complex (Parsons J. Eager to Please).

Для художественной литературы характерно прямое выражение авторской позиции. Поэтому, специализируясь на реализации информативной функции, речь автора прозаических художественных произведений одновременно передает оценочное отношение автора к описываемой им действительности. На языковом уровне оценочная позиция автора проявляется в использовании клауз, содержащих лексику с оценочной семой (качественных прилагательных, наречий и т.п.). Клаузы, содержащие оценочную лексику,

выполняют в материале исследования экспрессивную функцию (25,3% неинвертированных клауз, 28,4% инвертированных клауз). Ср.:

It was a bittersweet experience, filled with memories of the past and it seemed to Jennifer that she had grown up in that office (Sheldon S. Rage of Angels).

В материале исследования зарегистрировано несколько примеров клауз в функции экспрессивов-предположений (1,2%). Их незначительное количество, на наш взгляд, вполне закономерно: для авторской речи констатация факта, в некоторых случаях с авторской оценкой, является более важной, чем актуализация предположения автора относительно его реальности / не-реальности. Зарегистрированные в материале исследования экспрессивы-предположения содержат вводные слова модального плана. Ср.:

The cat probably thought its name was Cat (Shaw I. Rich Man, Poor Man).

В корпусе неинвертированных клауз зарегистрировано по одному примеру волитива с директивной и информационно-побудительной интенцией. Волитив с директивной интенцией содержит глагол в повелительном наклонении и представляет собой инструкцию, посредством которой автор объясняет читателю, как добраться до места, описанного в произведении:

To reach T. Beneden's little counter, you go through the street doorway and then turn through another door on the left (Priestley J.V. Angel Pavement).

Что касается клаузы с информационно-побудительной интенцией, то она представляет собой вопрос-размышление, который автор задает себе и сам же пытается на него ответить. Подобные вопросы также называют вопросами с нестандартной семантикой. По всей видимости, имеется в виду, что вопросы-размышления, в отличие от традиционных вопросов, не требуют ответа от собеседника:

What was the meaning of the sweat he had seen pouring down the man's face? It might have been caused by fear or anxiety or even, in the heavy river-heat, by the pressure of thought (Greene G. A Burnt-Out Case).

Наличие только двух примеров волитивов, а также полное отсутствие в материале исследования фативов объясняется монологическим характером исследованной разновидности бытийного дискурса: как волитивы, так и фативы ориентированы на взаимодействие адресата и адресанта, поэтому сферой их употребления является диалогическая, а не монологическая речь.

Итак, анализ фактического материала позволил сделать следующие выводы.

Иллокутивная направленность речи автора в прозаических художественных произведениях на сообщение читателю определенной информации сквозь призму индивидуального восприятия писателя ограничивает прагматический потенциал клауз в речи автора двумя функциями: информативной и экспрессивной, при значительном преобладании первой. Сигналами экспрессивности клауз являются наличие оценочной лексики, частичной инверсии при интерпозиции подлежащего и инициальной позиции именной части составного именного сказуемого.

Список литературы

1. *Brook J. L.* The Language of Dickens. L.: Andre Deutsch, 1970.
2. *Brown D. W.* Form in Modern English. N. Y.: Oxford University Press, 1958.
3. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
4. *Pope E.N.* Questions and Answers in English. The Hague: Mouton, 1976.
5. *Poutsma H.* A Grammar of Late Modern English. Gronongen: P. Noordhoff, 1905. Part 1. Sections 1, 2.
6. *Schaffer D.* Can Rhetorical Questions Function as Reports // *Journal of Pragmatics*. 2005. № 4. Vol. 37. P. 433-460.

References

1. Brook, J.L. (1970) The Language of Dickens. L.: Andre Deutsch (in English).
2. Brown, D.W. (1958) Form in Modern English. N. Y.: Oxford University Press (in English).
3. Crystal, D. (2003) The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press (in English).
4. Pope, E.N. (1976) Questions and Answers in English. The Hague: Mouton. (in English).
5. Poutsma, H.A. (1905) Grammar of Late Modern English. Gronongen: P. Noordhoff., Part 1, sections 1, 2 (in English).
6. Schaffer, D. (2005) Can Rhetorical Questions Function as Reports. *Journal of Pragmatics*, 2005, 4, 37, 433-460 (in English).

*УДК 811.111**ББК 81.2 Англ*

ЭВФЕМИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Мустафина Даяна Даниловна, студентка с-ПРП-32, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Dayana.mustafina@yandex.ru

Полякова Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., victoria_goldilocks@mail.ru

Явление эвфемии представляет собой одну из истинных языковых универсалий, являясь неотъемлемым компонентом функционирования языковой системы. Внедрение языковой практики политической корректности с конца прошлого века и интенсивное развитие этой тенденции на современном этапе влекут за собой активные процессы эвфемизации, которые можно обнаружить в различных видах дискурсов современного английского языка. Сказанное определяет актуальность темы настоящей статьи. Значительней всего эвфемизация затрагивает темы гендера, этнической, возрастной и сексуальной принадлежности, ограниченных физических способностей. Предметом нашего исследования является профессиональная коммуникация. Цель исследования состоит в выявлении особенностей эвфемистической номинации в медицинском дискурсе. При сборе и анализе фактологического материала были использованы методы сравнительной выборки, количественного подсчета и описательный метод. В ходе исследования были выделены семантические группы эвфемистической лексики медицинского дискурса (смерть, физический недостаток и связанная с ним инвалидность, наименования болезней, самоубийство, пластическая хирургия, беременность, возраст) и установлены наиболее часто используемые способы ее образования – метафорический перенос, метонимия, эпонимия и генерализация значения. Анализ показал, что наиболее часто в основе эвфемистического переименования лежит механизм генерализации значения, которое на языковом уровне достигается за счет обращения к номинации с более широкой семантикой.

Ключевые слова: эвфемизм, профессиональная коммуникация, медицинский дискурс, политическая корректность, семантика, расширение значения

EUPHEMIA IN PROFESSIONAL COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF MODERN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE)

Dayana D. Mustafina, student of s-PRP-32, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, dayana.mustafina@yandex.ru

Viktoriya Yu. Polyakova, ORCID ID 0000-0001-9735-8364, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, victoria_goldilocks@mail.ru

The phenomenon of euphemia is one of the most important linguistic universals, being an integral component of the functioning of the language system. The introduction of the linguistic practice of political correctness since the end of the last century and the intensive development of this trend at the present stage entail active processes of euphemization, which can be found in various types of discourses in modern English. The most significant euphemization concerns of gender, ethnicity, age and sexuality, and limited physical abilities. The subject of our research is professional communication. The purpose of the work is to identify the features of the euphemistic nomination in medical discourse. When collecting and analyzing the factual material, the methods of comparative sampling, quantitative calculation and the descriptive method were used. In the course of the study, the semantic groups of the euphemistic vocabulary of medical discourse (death, physical handicap and related disability, names of diseases, suicide, plastic surgery, pregnancy, age) were identified and the most frequently used methods of its formation were established – metaphorical transfer, metonymy, eponymy, generalization of meaning. The analysis showed that most often the mechanism of generalization of meaning lies at the basis of euphemistic renaming, which at the linguistic level is achieved by referring to a nomination with a broader semantics.

Keywords: euphemia, professional communication, medical discourse, political correctness, semantics, generalization of meaning

Введение

В связи с тем, что с конца прошлого столетия социальная этика потребовала внедрения языковой практики политической корректности, эвфемия получает все более широкое распространение в самых различных сферах речевой деятельности [1, 3, 8: 61-62]. Сказанное определяет актуальность настоящего исследования, выводя на передний план лингвистических изысканий феномен эвфемии в аспекте практики политической корректности [9, 11, 14]. Объектом нашего исследования является феномен эвфемии в современном английском языке. Предметом исследования является профессиональная коммуникация современного английского языка на примере медицинского дискурса. Цель данной работы заключается в выявлении специфики эвфемистической номинации в названном дискурсе. В работе использованы методы сравнительной выборки, количественного подсчета и описательный метод.

Феномен эвфемии относится к языковым универсалиям, являясь неотъемлемым компонентом функционирования языковой системы. Эвфемия является одним из путей обогащения словарного состава языка, если рассматривать ее в рамках синонимии, основываясь на сходстве значения эвфемистической и исходной номинаций. В процессе коммуникации, подбирая эвфемистическое наименование, говорящий сознательно пытается уйти от отрицательной оценки, подобрать близкое по значению слово, таким образом максимально приближая явления окружающей действительности к их идеализированной модели. В основе оценки тех предпочтений, которые человек делает, характеризуя предметы и качества, лежат ценности, фундаментальные характеристики культуры, эталонные ориентиры поведения, события. Кроме того, оценка в значительной мере определяется господствующей в социуме идеологией, общественными институтами, религией и моралью. Эвфемизмы, являясь стилистически нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой или нетактичной, тем самым вуалируя и маскируя суть явления.

Активнее всего в современном обществе процесс эвфемизации затронул темы гендера [7], этнической, возрастной и сексуальной принадлежности, ограниченных физических способностей. Рассмотрим с точки зрения эвфемизации сферу профессиональной коммуникации, а именно медицинский дискурс.

1. Эвфемистическая номинации в семантическом поле «смерть»

В рамках данного дискурса весьма распространенными являются эвфемизмы, принадлежащие к семантическому полю «смерть». Ученые отмечают эвфемизацию данного концепта и на материале других языков [6: 100] Практически в любой коммуникативной ситуации коммуниканты стараются избежать употребления слов с семантикой, эксплицитно указывающей на летальный исход, и прибегают именно к эвфемизмам, например: *After this operation you'll feel great, but there is also a chance that it will be a disaster, And you're at much higher risk for the bad outcome, I'm afraid the prognosis is not very good* [15]. Так *death* заменяется на эвфемизмы *disaster* и *bad outcome*. В последней фразе используется описательное эвфемистическое выражение «прогноз не очень хороший». В приведенных номинациях эвфемия возникает на основе расширения семантического значения. Коммуниканты стремят-

ся смягчить психологическую травму пациента путем употребления синонимичных выражений.

Явление самоубийства также часто получает эвфемистические наименования, например, *take their own lives* вместо *commit suicide*, *Self-violence* вместо *Suicide* [5]. Данные номинации образованы на основе семантических процессов – метафоры и генерализации значения.

2. Эвфемистическая номинация, связанная с концептами «болезнь», «инвалидность»

Другой важный концепт, в рамках которого наблюдаются активные процессы эвфемизации, – физический недостаток и связанная с ним инвалидность. В последние десятилетия общество пытается смягчить дискриминацию людей с ограниченными возможностями. В языковой сфере это выражается большим количеством эвфемизмов, относящихся к данному семантическому полю, например: *physically-challenged* вместо *disabled*, *visually-challenged* вместо *blind*, *metabolically challenged* вместо *dead*, *generationally challenged* вместо *old* или *young*, *mentally challenged* вместо *mentally retarded*. Данные номинации возникли на базе причастия *challenged*, которое расширило свое значение. Отметим также, что причастие *retarded*, которое на сегодняшний день является прямой номинацией, в свое время было эвфемизмом для *slow* и *backward* [13].

Причастие *impaired* также регулярно используется с целью создания эвфемистических номинаций для обозначения физического недостатка. Так, людей, страдающих частичной потерей слуха, называют *hearing-impaired*, а людей, страдающих речевыми расстройствами, – *speech-impaired* [15]. Данное причастие расширило свое значение.

На основе расширения значения возникли номинации *handicapped/physically different* для именованя людей с физическими недостатками и *learning disable, special* [15] для именованя умственно отсталых людей.

Функцию эвфемизации в рамках данного концепта могут выполнять и выражения, например: *I think that what's happening is that children with big problems are being given big, bad drugs because no one really knows what to do with them* [12]. Эвфемизмы, относящиеся к данному семантическому полю, выходят за рамки медицинского дискурса в соответствии с современной языковой политикой. Так выражения *children with big problems*, *children with*

special educational needs употребляются в настоящее время в педагогическом дискурсе вместо номинаций *handicapped* или *invalid*.

Значительную группу эвфемизмов составляют наименования болезней. Отметим, что наиболее часто в качестве эвфемистических номинаций в данной группе выступает специальная лексика. При этом термины подвергаются сокращению, например: *Tuberculosis – T.B., cancer and carcinoma – CA, Continuous Positive Air Pressure – CPAP, Swine flu – H1N1* [2]. Использование аббревиатур позволяет не только уйти от исходной номинации, но и завуалировать содержание исходного концепта. Эвфемистическая номинация представляет собой полные наименования заболеваний или код штамма вируса. Таким образом, значение становится непонятным для неспециалиста, что позволяет завуалировать содержание именуемого.

Эвфемистические номинации в данной группе образуются также на основе расширения значения, например, *Intoxicated* вместо *Drunk*, *Social disease/Communicable disease* вместо *Syphilis/Venereal disease*, *Cardiac events* вместо *Myocardial infarction, ECG evidence* [10]. В результате генерализации значения происходит размывание смыслового содержания и нейтрализация тех характеристик исходного концепта, которые могут вызвать негативное отношение реципиента. Так, причастие *intoxicated* характеризуется бóльшим уровнем абстракции, чем лексема *drunk*. Помимо этого, эвфемизм *intoxicated* заимствован из латинского языка, что, в свою очередь, также способствует вуалированию его значения.

Еще одним способом образования эвфемизмов данной группы является эпонимия. Эвфемизмы, образованные при помощи эпонимии, позволяют скрывать полные и описательные названия заболеваний, тем самым скрывая реальную негативную ситуацию, например: *Ankylosing spondylitis – Bekhterev's disease, Hypokinetic rigid syndrome – Parkinson's disease, A congenital disorder due to a chromosome deficiency – Down's syndrome* [15].

3. Эвфемизация в других медицинских сферах

Пластическая хирургия является в настоящее время весьма распространенным явлением и влечет за собой появление соответствующих эвфемизмов. Так выражение *surgically enhanced stars* возникло на основе метафоры и подразумевает телезвезд, перенесших такие операции. Выражение *Aesthetic procedures* также завуалированно называет пластическую хирургию.

Еще одним явлением, часто получающим эвфемистические номинации, является беременность. Так на основе метонимии развился эвфемизм *A big belly* [4] вместо *A pregnant woman*.

Геронтологическая тематика занимает важное место в современном медицинском дискурсе. С одной стороны, старение ассоциируется с ухудшением здоровья и зависимым положением. С другой стороны, в связи с общим повышением среднего возраста в развитых западных странах пожилой и старший человек в силу своей экономической стабильности является основным потребителем на рынке товаров и услуг. С этим связано появление целого ряда геронтологических эвфемистических номинаций, образованных на основе расширения значения (*senior citizen, elderly people, the longer living*) и метафоры (*getting on in years, third age, sunset years, golden age*) [5]. Данные номинации вышли за рамки медицинского дискурса и активно эксплуатируются в СМИ и рекламе.

Заключение

Итак, медицинский дискурс в силу многих факторов, как морально-этических, так и личностных, представляет собой благодатную почву для развития эвфемистических номинаций. В ходе эвфемизации происходит утрата негативных характеристик исходного концепта, что позволяет снять негативную коннотацию, характерную для исходной номинации.

В рамках данного дискурса весьма распространенными являются эвфемизмы, принадлежащие к семантическим полям «смерть», «физический недостаток», «самоубийство», «беременность». Кроме того, обнаружены значительные группы эвфемизмов, именующих различные болезни и затрагивающие темы пластической хирургии и геронтологии.

Способы образования эвфемизмов разнообразны. Чаще всего эвфемизмы возникают в результате различных семантических процессов – на основе метафоры, метонимии, расширения семантики слова. Довольно часто в основе эвфемистического переименования лежит механизм генерализации значения, которое на языковом уровне достигается за счет обращения к номинации с широкой семантикой. Эвфемизмами могут выступать заимствования из других языков, а также новые слова, возникшие вследствие словообразовательных процессов.

Список литературы

1. Бабушкина В.В., Вьюшкина Е.Г., Ессина И.Ю. Формирование лингвокультурной парадигмы в условиях цифровой среды. Саратов: Амирит, 2020.
2. Волошин Е.П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014.
3. Зарайский А.А., Морова О.Л., Полякова В.Ю. Практикум по стилистике английского языка: учебное пособие для аудиторной и самостоятельной работы студентов филологических специальностей. М.: Флинта, 2019.
4. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/evfemizmu-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>
5. Кубашичева С.К. Эвфемистические тенденции в современном английском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemisticheskie-tendentsii-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>
6. Матасова О.В., Семухина Е.А. К вопросу об идеологизации социально-политического дискурса (на материале немецкого и французского языков) // Наука и общество. 2017. № 1 (27). С. 99-105.
7. Матасова О.В., Семухина Е.А. Гендерный аспект профессиональных наименований (на материале языка французских и немецких СМИ) // Наука и общество. 2018. № 1 (30). С.122-128.
8. Матасова О.В., Уфимцева О.А. Лингвокультурологические аспекты новостного стиля в современных германских языках (на примере специфики новостного текста в английском и немецком языках) // Функционирование языковых единиц в аспекте социолингвистики и лингвокультурологии. Саратов: ССЭИ (филиал) ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. Ф. Плеханова, 2018. С. 56-71.
9. Матасова О.В., Харитонова В.Ю. Феномен эвфемии в германских языках // Язык. Социум. Культура. Саратов: ССЭИ (филиал) ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. Ф. Плеханова, 2016. С. 36-39.
10. Никитина И.Н. Формальные способы образования эвфемизмов в английском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-sposoby-obrazovaniya-evfemizmov-v-angliyskom-yazyke>
11. Саватеева Л.В. Идеи политкорректности и их воплощение в современном лингвориторическом пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2018.
12. Уварова Е.А. Системная семантика английского эвфемизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012.
13. Черникова Е.М. Эвфемизация в индоевропейских языках: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2017.
14. Шляхтина Е.В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015.
15. Holder R.W. Dictionary of Euphemism [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=_tSNa4kBx2IC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

References

1. Babushkina, V.V., Vyushkina, E.G., Yessina, I.Yu. (2020) Formirovaniye lingvokul'turnoy paradigmy v usloviyakh tsifrovoy sredy [Formation of the linguistic and cultural paradigm in the digital environment]. Saratov: Amirit (in Russian).
2. Voloshin, E.P., Abreviatyury v leksicheskoi sisteme angliiskogo yazyka perevoda reklamnykh tekstov [Features of translation of advertising texts]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniyay* [Successes of modern natural science], 5, 146-147 (in Russian).
3. Zарaiskiy, A.A., Morova, O.L., Polyakova, V.Y. (2019) Praktikum po stilistike angliiskogo yazyka: uchebnoe posobie dlya auditornoy i samostoyatel'noy raboty studentov filologicheskikh spetsial'nostey [Workshop on stylistics of the English language textbook for classroom and independent work of students of philological specialties]. Moscow: Flinta (in Russian).
4. Katsev, A.M. Evfemizmy v sovremennom angliiskom yazyke [Euphemisms in Modern English] [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cheloveknauka.com/evfemizmy-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>
5. Kubashicheva, S.K. Evfemisticheskie tendentsii v sovremennom angliiskom yazyke [Euphemistic trends in Modern English] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemisticheskie-tendentsii-v-sovremennom-angliiskom-yazyke>
6. Matasova, O.V., Semuhina, E.A. (2017) K voprosu ob ideologizatsii social'no-politicheskogo diskursa (na materiale nemeckogo i francuzskogo yazykov) [About the issue of the ideologization of socio-political discourse (based on the material of the German and French languages)]. *Nauka i obshchestvo* [Science and society], 1 (27), 99-105 (in Russian).
7. Matasova, O.V., Semuhina, E. A. (2018) Gendernyj aspekt professional'nyh naimenovaniy (na materiale yazyka francuzskikh i nemeckikh SMI) [Gender aspect of professional names (based on the language of the French and German media)]. *Nauka i obshchestvo* [Science and society], 1 (30), 122-128.
8. Matasova, O.V., Ufimceva, O.A. (2018) Lingvokul'turologicheskie aspekty novostnogo stilya v sovremennykh germanskikh yazykakh (na primere specifiki novostnogo teksta v angliiskom i nemeckom yazykakh) [Linguoculturological aspects of the news style in modern Germanic Languages (by the example of the specifics of the news text in English and German)]. *Funkcionirovanie yazykovykh edinits v aspekte sociolingvistiki i lingvokul'turologii* [Functioning of language units in the aspect of sociolinguistics and linguoculturology]. Saratov: SSEI (filial) FGBOU VO «REU im. G. F. Plekhanova, 56-71.
9. Matasova, O.V., Haritonova, V.Yu. (2016) Fenomen evfemii v germanskikh yazykakh [The phenomenon of euphemia in Germanic languages]. *Yazyk. Socium. Kul'tura* [Language. Society. Culture]. Saratov: SSEI (filial) FGBOU VO «REU im. G. F. Plekhanova, 36-39.
10. Nikitina, I.N. Formal'nye sposoby obrazovaniya evfemizmov v angliiskom yazyke [Formal ways of forming euphemisms in English] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-sposoby-obrazovaniya-evfemizmov-v-angliiskom-yazyke>

11. Savateeva, L.V. (2018) Idei politkorrektnosti i ih voploshchenie v sovremennom lingvoritoricheskom prostranstve [The ideas of political correctness and their implementation in the modern linguistic space]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar.
12. Uvarova, E.A. (2012) Sistemnaya semantika anglijskogo evfemizma [System semantics of the English euphemism]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva.
13. Chernikova, E.M. (2017) Evfemizaciya v indoevropskikh yazykah [Euphemization in Indo-European languages]: dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk.
14. Shlyahtina, E.V. (2015) Yazykovej aspekt politkorrektnosti v angloyazychnoj kul'ture [The linguistic aspect of Political correctness in English-speaking Culture]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva.
15. Holder, R.W. Dictionary of Euphemism [Elektronnyj resurs]. URL: https://books.google.ru/books?id=_tSNa4kBx2IC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

УДК 347.78.034

ББК 81.0

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СИНЕСТЕТИЧЕСКИХ МЕТАФОР И ПЕРСОНИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА АВСТРИЙСКОЙ ПРОЗЫ)

Шаповалова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., ShapovalovaOlga@yandex.ru

Мерзлякова Елена Сергеевна, студентка с-ППП-21, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., merzlakovaelena75@gmail.com

В статье рассматриваются способы передачи метафор в художественном тексте на примере синестезии и персонификации. Материалом исследования, результаты которого изложены в данной работе, служит австрийская проза и ее переводы на русский язык. Цель исследования состоит в описании основных способов передачи синестетической метафоры и персонификации средствами русского языка, а также в выявлении переводческих трансформаций, необходимых для достижения адекватного художественного перевода. При сборе и анализе фактологического материала были использованы методы лингвистического описания, контекстуального анализа, а также количественный метод. В процессе исследования были выделены разновидности синестетической метафоры, с опорой на классификацию В.Н. Комиссарова выявлены основные способы передачи синестезии и персонификации, установлены наиболее частотные лексические и грамматические трансформации, а также предложена интерпретация полученных данных.

Ключевые слова: синестезия, персонификация, перевод метафор, переводческие трансформации.

METHODS OF TRANSLATION OF SYNESTHETIC METAPHORS AND PERSONIFICATION (ON THE MATERIAL OF THE TRANSLATION OF AUSTRIAN PROSE)

Olga N. Shapovalova, ORCID ID 0000-0001-5876-6066, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, Radishchev Str., 89, Saratov, 410003, Russia, ShapovalovaOlga@yandex.rumailto:inluz@mail.ru

Elena S. Merzlyakova, student of s-PRP-21, Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin, merzlyakovaelena75@gmail.com

The article deals with the methods of the translation of metaphors in the literary text on the example of synesthesia and personification. The material of the research work, the results of which are presented in this article, is the Austrian prose and its translation into Russian. The purpose of the research is to describe the main methods of the translation of synesthetic metaphors and personification by means of the Russian language, to identify the translation transformations that are necessary for the adequate literary translation. By collecting and analyzing factual material the methods of linguistic description, of contextual analysis and the quantitative method are used. As results of the research the types of synesthetic metaphors are distinguished, the main methods of the translation of synesthesia and personification are identified based on the classification of V.N. Komissarov, the most frequency lexical and grammatical translation transformations are described as well as the interpretation of the received data is given.

Keywords: synesthesia, personification, translation of metaphors, translation transformations.

Данная статья посвящена проблеме перевода метафор в художественном тексте и рассматривается на примере таких видов метафоры, как синестезия и персонификация. Метафора детально описана в лингвистических работах (см., например, [1, 8]), при этом в современных исследованиях все большее распространение получает междисциплинарный когнитивно-семантический подход к метафоре вообще и к синестетическим метафорам в частности (см. [2, 4, 5, 9]).

Как известно, передача такого образного средства, как метафора в художественном переводе нередко представляет собой проблему, требующую принятия творческого решения. Целью работы является анализ основных способов передачи синестетической метафоры и персонификации при переводе с немецкого на русский язык, а также выявление переводческих транс-

формаций, необходимых для достижения адекватного художественного перевода.

В качестве материала исследования были выбраны следующие произведения австрийских авторов: сборник повестей и рассказов Адальберта Штифтера «Лесная тропа» («Der Waldsteig», 1845), новелла Фердинанда фон Заара «Гиневра» («Ginevra», 1876), новелла Йозефа Рота «Апрель. История одной любви» («April. Die Geschichte einer Liebe», 1925). Выбор данного материала обусловлен следующими причинами. Во-первых, проза австрийских писателей имеет безусловные художественные достоинства. Так, для индивидуального стиля данных авторов характерна метафоричность, особенно это касается творчества Йозефа Рота. Во-вторых, были выбраны произведения, написанные в разное время, что позволило вовлечь в область анализа метафоры, разнообразные и по структуре, и по стилистическому потенциалу. В-третьих, творчество этих авторов не очень хорошо известно в нашей стране. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что из данных произведений только «Лесная тропа» переведена на русский язык. Что касается новелл Фердинанда фон Заара и Йозефа Рота, в работе мы предложили собственный перевод предложений, в которых встретились проанализированные метафоры.

В ходе исследования были использованы методы лингвистического описания, контекстуального анализа, а также количественный метод.

Рассматривая явление синестезии, следует отметить, что в психологии под ним понимают процесс восприятия, при котором во время раздражения одного перцептивного органа наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу [6: 192]. Синестетическую метафору следует считать языковым средством, позволяющим фиксировать межчувственные образы разной модальности, при этом отмечается определенная семантическая несовместимость компонентов единиц данного вида [2].

Исходя из того, образы каких модальностей отображаются в синестетической метафоре, в проанализированном материале можно выделить следующие разновидности синестезии:

1) тактильно-слуховые: *mit scharfer, beinerer Stimme* (резким, металлическим (буквально: костяным) голосом); *in festem Tone* (твердым тоном);

2) тактильно-зрительные: *stechende Augen* (пронзительные глаза); *das derb gerötete ... Antlitz* (грубовато напрумяненное ... лицо); *eine leichte Röte* (легкий румянец);

3) зрительно-тактильные: *die ungemein liebliche heitere und klare Milde der Luft* (необычайная мягкость, прозрачность и ласковость воздуха; буквально: прозрачная мягкость);

4) зрительно-слуховые: *mit einer ... tiefen ... Stimme* (низким голосом);

5) зрительно-одоративные: *aus dem silbernen Duft* (из-за серебристого аромата); *im blauen Duft* (в синий аромат); *im himmelblauen Duft* (в небесно-голубой аромат);

6) одоративно-зрительные: *duftige Bergwände* (окутанные дымкой вершины гор; буквально: ароматные стены гор);

7) температурно-зрительно-одоративные: *so lauer goldiger Duft* (такой прохладный золотистый аромат);

8) тактильно-зрительно-слуховые: *mit ihrer weichen, dunklen Stimme* (своим мягким, низким (буквально: темным) голосом).

Необходимо отметить, что в данном перечне разновидностей синестезии, встретившихся в материале исследования, отдельно выделяются ощущения температуры, что часто делается в исследованиях по синестезии. При этом в рамках одного метафорического оборота могут сочетаться не только две, но иногда и три модальности (см. две последние группы перечня выше). При выделении данных групп была предпринята попытка отразить различную направленность возникновения синестетических метафор, например, отдельно указаны тактильно-зрительные и зрительно-тактильные, а также зрительно-одоративные и одоративно-зрительные метафоры (при этом доминирующий образ эксплицирован в существительном, а образ, вызванный сообщением, – в прилагательном).

Персонификация часто определяется как особый подвид метафоры, для которого характерен перенос черт, свойств и признаков живого существа (человека, животного, растения и т. д.) на неодушевленные предметы или явления, включая абстрактные понятия.

Принимая во внимание сложность таких разновидностей метафоры, как синестезия и персонификация, необходимо отметить, что их передача средствами языка перевода может сопровождаться трудностями, что вызывает необходимость использования определенных приемов. Так, рассматривая закономерности передачи синестетических сочетаний в художественном пере-

воде с русского на французский язык, Н.А. Фененко выделяет следующие приёмы:

1) сохранение синестезии, когда имеет место дословное воспроизведение в тексте перевода компонентов синестетической метафоры, употребляемой в оригинале;

2) частичное разрушение синестезии, при котором составляющие метафорического сочетания разделяются и передаются через два разных существительных;

3) полное разрушение синестезии, состоящее, в частности, в передаче цветового обозначения, при том, что другой компонент синестетической метафоры заменяется сравнением, сравнительным придаточным предложением, метафорическим указанием на предмет, обладающий тем же свойством, что и опущенный компонент, либо эксплицирующим выражением с атрибутивным значением [7: 96-97].

В ходе исследования в качестве теоретической основы анализа была принята классификация способов перевода метафор, предложенная В.Н. Комиссаровым:

1) перевод, основанный на том же образе;

2) перевод, основанный на ином схожем образе;

3) дословный перевод;

4) неметафорическое объяснение [3: 114-115].

Всего методом сплошной выборки было выделено 70 единиц (33 синестетических метафоры и 37 метафор, построенных на основе персонификации). По результатам анализа, самую распространенную группу составили единицы, перевод которых основывается на том же образе (32 метафоры, или 45,7%).

В качестве примеров перевода синестезии с сохранением образа можно привести следующие (здесь и далее в каждом примере автор источника помечен в скобках инициалами; если приведенный пример полностью представляет собой метафору, в нем отсутствует выделение, если он содержит метафору, она выделяется жирным шрифтом в оригинале и в переводе):

Eine leichte Röte flog über ihr Antlitz... (F. S.) – На ее лице появился легкий румянец...

Sanfte, weiche Züge, schlichtes kastanienbraunes Haar und ebensolche Augen... (F. S.) – Нежные, мягкие черты, гладкие каштановые волосы и такого же цвета глаза...

Возможно синестетическое сочетание слуховых и тактильных образов, например:

Sie sagte es so ... trocken wie irgendeine geschäftliche Auskunft. (J. R.) – Она сказала об этом так ... сухо, будто выдала какую-то официальную справку.

Er nahm Trinkgelder und dankte sehr kühl. (J. R.) – Он взял чаевые и холодно поблагодарил.

Как видно из приведенных примеров, сочетания такого рода часто имеют клишированный характер, хотя возможны и авторские метафоры:

Den Briefträger kannte ich schon auswendig und das silberne Sporenklippern des Herrn Postdirektors auch. (J. R.) – Я уже прекрасно знал почтальона, как и серебряное брэнчание шпор господина почтового директора.

Перевод, основанный на том же образе, применяется и при передаче персонификации:

Die Nacht kommt groß und blau durch die offenen Fenster. (A. St.) – В открытые окна входит высокая синяя ночь.

Um den Bahnhof roch es süß und trunken nach Steinkohle, Jasmin und atmenden Wiesen. (J. R.) – Вокзал был окутан сладким пьянящим запахом угля, жасмина и дышащих лугов.

При этом, в отличие от синестезии, в проанализированном материале особое распространение получила авторская персонификация (особенно это средство характерно для творчества Йозефа Рота).

Далее следуют метафоры, переведенные дословно (22 примера, или 31,4%). По результатам проведенного анализа, дословная передача применяется прежде всего при переводе индивидуальных метафор, характеризующих стиль конкретного автора. Например, в нашем материале встретилось несколько примеров сочетания слова «*Duft*»(аромат) с цветообозначениями, что типично для прозы А. Штифтера (в результате возникают зрительно-одоративные синестетические метафоры):

Aus dem silbernen Duft schauet der Mond hervor. (A. St.) – Из-за серебристого аромата выглядывает луна.

Fast mit Heimwehgefühlen erblickte ich hier wieder, im blauen Duft über dem Meer, die Berge von Wales... (A. St.) – Почти с чувством ностальгии я появился здесь снова, в горах Уэльса, которые были окутаны в синий аромат моря...

So warm war die Luft, und so lauer goldiger Duft schwebte über den Feldern und Wiesen. (A. St.) – Такой теплый воздух, и такой прохладный золотистый аромат парил над полями и лугами.

Überall lag das Land im himmelblauen Duft... (A. St.) – Везде земля была окутана в небесно-голубой аромат...

Очевидно, данный способ перевода выбран именно с целью сохранения индивидуального стиля писателя. Подобный способ применяется и в переводе синестетических метафор в прозе Йозефа Рота:

Seine Worte sehen aus wie seine Unterschrift... (J. R.) – Его слова выглядят, как его подпись...

Es [Gesicht] war blaß und kalt. (J. R.) – Оно [лицо] было бледными холодным.

Та же тенденция наблюдается при передаче авторских метафор, построенных на персонификации:

Die Nacht war stumm. (A. St.) – Ночь была немой.

Durch den Park knirschte ein rundbäuchiger Spritzwagen... (J. R.) – По парку со скрежетом двигалась круглобрюхая поливалка...

Черты человека, касающиеся как внешности, так и качеств характера, приписываются не только вещам, но и растениям, что находит отражение в переводе:

Der Goldregen wucherte leichtsinnig und liederlich zwischen Linden und Kastanien. (J. R.) – Ракитник легкомысленно и беспутно разросся между липами и каштанами.

Manchmal lag die Moosbeere wie eine rote Koralle neben ihm, manchmal streckten die Preiselbeeren ihr Kraut empor und hielten ähnliche Büschel von rotwangigen Kügelchen in den glänzenden Blättchen. (A. St.) – Порой на глаза ему попадалась красная, словно коралл, клюква, а то совсем рядом зеленели блестящие листья брусники с гроздьями краснощеких шариков.

Rund um die Bänke... war das Gras ein wenig müde und hergenommen von der nächtlichen Liebe der Menschen. (J. R.) – Вокруг скамеек трава была несколько усталой и изнуренной от ночной любви людей.

Относительно небольшую группу составляют метафорические единицы, перевод которых основан на ином схожем образе (10 в абсолютном выражении, или 14,3%). Часто такие замены обусловлены сочетаемостью в языке перевода, например, при передаче синестезии:

Als ihre dunkle, etwas raue Stimme geisterhaft ... sprach, leise und etwas langsam, als dächte sie vor jedem Worte nach, verschwand auf einmal meine Unzufriedenheit. (A. St.) – И когда ее низкий, хриловатый голос ... зазвучал тихо и медленно, так, будто она думала над каждым словом, меня внезапно покинуло чувство неудовлетворенности.

„Wir halten niemand zurück, Herr Tanzmeister“, erwiderte die alte Frau mit scharfer, beinerner Stimme. (F. S.) – «Мы никому не препятствуем, господин танцмейстер», ответила пожилая дама резким, металлическим голосом.

В данных примерах производится лексическая замена, поскольку сочетания «темный голос» и «костяной голос» не типичны для русского языка.

Наконец, наименьшее число переведено с помощью неметафорического объяснения (6 единиц, или 8,6%). Согласно полученным данным, обычно данный способ перевода выбирается, когда дословная передача, например, синестетических метафор привела бы к нарушению сочетаемости слов в языке перевода:

...wenn die Sonne ganz besonders heiß und strahlenreich schien, so saß er ohne Hut mitten in dem Lichtregen im Garten und schaute auf die weiße Mauer des Hauses. (A. St.) – ...когда солнце особенно сильно припекало, усаживался без шляпы под палящими лучами его, неотрывно глядя на белую стену дома. (Переводчик обоснованно избегает буквализма «в дожде света»).

Возможна передача метафоры через сравнение, как в следующем примере:

Die silbernen Schattenrisse der Stadt strebten ... zart, kühn, fast singend gegen den Himmel. (J. R.) – Серебристые очертания города устремлялись к небу нежно, смело, будто напевая.

Согласно полученным данным, перевод, основанный на том же или ином схожем образе, может осуществляться с применением лексических и грамматических трансформаций. Например, возможна такая трансформация, как выбор вариантного соответствия, определяемый контекстом и сочетаемостью в ПЯ:

Diese Silben gruben sich in mein Hirn wie harte Münzen in eine schmelzende Wachsplatte. (J. R.) – Эти слоги впечатывались в мой мозг словно твердые монеты в тающий воск (пример передачи синестезии).

Fein und dünn gelenkig kletterte ein gotisches Türmchen in die Wolken. (J. R.) – *Изячно и тонко тянулась к небу готическая башенка* (пример передачи персонификации).

Наряду с этим, применяются целостные преобразования:

Dennoch hörte ich jede Silbe, scharf und trocken. (J. R.) – *И все же каждый слог раздавался резко и сухо* (пример передачи синестезии).

Die Aprilnacht... war wolken schwer und regenschwanger. (J. R.) – *Апрельская ночь... несла бремя туч и дождя* (пример передачи персонификации).

К грамматическим трансформациям относятся, в частности:

1) изменения синтаксической структуры:

а) замена устойчивого выражения, построенного по модели «предлог + прилагательное + существительное», в немецком языке на наречие в русском, как в примере: „*Ich habe nicht daran gezweifelt*“, *sagte sie in festem Tone.* (F. S.) – «*Я в этом не сомневалась*», *твердо сказала она*;

б) замена личной формы глагола или наречий в оригинале на деепричастный оборот: *Auf den Wellen... schwamm, tänzelte, drehte sich kokett und unbekümmert ein Strohhelmchen und ahnte nichts von dem Kanalschacht...* (J. R.) – *По волнам плыла, пританцовывала, кокетливо и беззаботно кружилась соломинка, не подозревая о существовании ливневого колодца...*;

в) замена придаточного определительного предложения в тексте оригинала на причастный оборот): *Es hätte vielleicht mehr Sinn, ... zu dem Mädchen hinaufzugehen... und ihr ein bisschen von dem ungeheuren Chaosrasseln mitzubringen und dem vielen roten Blut, das durch die Adern der Welt floss.* (J. R.) – *Может быть, было бы разумнее... подняться к девушке... и принести ей немного невообразимого хаоса и красной крови, текущей по жилам мира*;

2) опущение (в случае избыточности в тексте оригинала): *In der Rinne des Tales, gegen welches die Wiese hinabging, lief über Steine und Klippen ein grünes brodelndes Wasser heraus, und eilte links ... durch die Taltiefe fort.* (A. St.) – *В самом низу долины, куда спадал и луг, по камням и кручам убежал куда-то влево ... пенящийся зеленоватый поток*;

3) добавление (когда возникает необходимость раскрытия смысла фрагмента оригинала), например, при переводе синестезии *dunkle Stimme* (буквально: *темный голос*), так как переводчик пытался раскрыть смысл оригинального словосочетания через два прилагательных: «*Aber warum denn*

nicht?» erwiderte sie es ruhig, mit einer überraschend dunklen Stimme... (A. St.)
– «А почему бы нет?» – возразила она спокойно и неожиданно низким, глуховатым голосом...

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, для творчества австрийских авторов характерна метафоричность, в частности, синестезия и персонификация. Во-вторых, передача метафор, основанных на синестезии или персонификации, может быть связана с определенными трудностями, поскольку дословный перевод зачастую приводит к нарушению синтаксических норм или сочетаемости в языке перевода. Это нередко требует переводческих трансформаций, в частности, лексических (например, подбора вариантного соответствия) и грамматических (изменения синтаксической структуры, опущения, добавления). При этом возможны и целостные преобразования. Дословная передача применяется прежде всего при переводе индивидуальных метафор, типичных для авторского стиля. В-третьих, поскольку основная функция синестезии и персонификации в художественном произведении заключается в эстетическом воздействии на читателя, а стилистический потенциал метафор данных видов обусловлен прежде всего их способностью выступать в качестве средств образности, закономерно стремление переводчиков по возможности сохранить образ, на котором основывается метафора в оригинале. Не случайно в проанализированном материале именно перевод, основанный на том же образе, и дословный перевод составляют самые многочисленные случаи передачи метафор средствами ПЯ. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что переводчики стремятся не просто сохранить метафоричность оригинала, но по возможности передать и образ, лежащий в основе переводимой единицы.

Список литературы

1. Зарайский А.А., Морова О.Л., Полякова В.Ю. Практикум по стилистике английского языка: учебное пособие для аудиторной и самостоятельной работы студентов филологических специальностей. М.: Флинта, 2019.
2. Ивакина Е.В. Проявление языковой синестезии в процессе наименования акустических явлений // Филологические этюды. 2001. Вып. 4. С. 170-173.
3. Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990.

4. Нюбина Л.М., Белютин Р.В. Синестезическая метафора как механизм репрезентации ментального мира (на примере языковой экспликации концепта «Gedanke») // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. СПб.: Тригон, 2005. С. 125-131.

5. Панкратова С.А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 88-99.

6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер Ком, 1998.

7. Фененко Н.А. Семантическая синестезия в тексте оригинала и перевода // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №3. С. 94-99.

8. Шаповалова О.Н. Метафора: понятие и теоретические подходы // Язык и мир изучаемого языка. 2016. Вып. 7. С. 120-124.

9. Grossenbacher P., Lovelace Ch.T. Mechanisms of Synaesthesia: Cognitive and Physiological Contains. Trends in Cognitive Sciences. 2001. V. 5 (1). P. 36-41.

References

1. Zaraiskiy, A.A., Morova, O.L., Polyakova, V.Y. (2019) Praktikum po stilistike angliyskogo yazyka: uchebnoe posobie dlya auditornoy i samostoyatel'noy raboty studentov filologicheskikh spetsial'nosteyu [Workshop on stylistics of the English language textbook for classroom and independent work of students of philological specialties]. Moscow: Flinta (in Russian).

2. Ivakina Y.V. (2001) Proyavlenie yazykovoy sinaestezii v processe naimenovaniya akusticheskikh yavleniy [Manifestation of language synaesthesia by nomination of acoustic phenomena]. *Philologicheskie etyudy* [Philological etudes], 4, 170-173 (in Russian).

3. Komissarov, V.N., Koralova, A.L. (1990) Praktikum po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy: uchebnoe posobie [A Manual of translation from English into Russian]. Moscow: Vysshaya shkola (in English).

4. Nyubina L.M., Belyutin R.V. (2005) Synaesteticheskaya metaphora kak mekhanism reprezentatsii mentalnogo mira (na primere yazykovoy eksplikatsii koncepta «Gedanke») [Synaesthetic metaphor as mechanism of representation of the mental world (by the example of the language explication of concept «Gedanke»)] // *Kognitivnaya lingvistika: mentalnye osnovy i yazykovaya realizatsiya* [Cognitive linguistic: mental fundamentals and language realization]. Saint Petersburg: Trigon, 125-131 (in Russian).

5. Pankratova S.A. (2009) Kognitivno-semanticheskie aspekty metaphoricheskogo modelirovaniya [Cognitive-semantic aspects of metaphoric modeling] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gerzena* [News of the Herzen State Pedagogical University of Russia], 87, 88-99 (in Russian).

6. Rubinstein, S.L. (1998) Osnovy obshtey psihologii [Foundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg: Peter Kom (in Russian).

7. Fenenko N.A. (2019) Semanticheskaya synaesthezia v texte originala i perevoda [Semantic synaesthesia in the text of the original and of the translation] // *Vestnik VGU. Seriya: linguistica i mezhkulturnaya kommunikatiya* [Bulletin of Voronezh State University. Linguistic and Intercultural Communication], 3, 94-99 (in Russian).

8. Shapovalova, O.N. (2016) Metaphora: ponyatie i teoreticheskie podhody [Metaphor: notion and theoretical approaches]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka* [Language and the World of the Language Studied], 7, 120-124 (in Russian).

9. Grossenbacher P., Lovelace Ch.T. (2001) Mechanisms of Synaesthesia: Cognitive and Physiological Contains. *Trends in Cognitive Sciences*, 5 (1), 36-41 (in English).

ЛИНГВОДИДАКТИКА (LINGUISTIC DIDACTICS)

УДК 378:811.111

ББК 74

ИКТ В ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ЛЕКСИКЕ И ТЕКУЩЕМ КОНТРОЛЕ ЕЕ УСВОЕНИЯ

Вьюшкина Елена Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Саратовская государственная юридическая академия, vyuskina@mail.ru

Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) широко применяются в обучении иностранным языкам. Такие характеристики ИКТ, как универсальность программного обеспечения и возможность формализации контрольных функций делает их особенно интересными для обучения специальной лексике и организации текущего контроля ее усвоения. В статье приведены конкретные примеры использования обучающей платформы *memrise* и приложения *Kahoot!* в практике обучения юридическому английскому. В частности, описаны процессы создания курсов на платформе *memrise* для информационной поддержки используемых учебников и тестов текущего контроля на сайте *Kahoot!*. Особое внимание уделено использованию мобильных приложений данных образовательных ресурсов для повышения мотивации студентов и интенсификации процесса обучения. Предложены рекомендации по дальнейшему внедрению этих разработок в учебный процесс.

Ключевые слова: английский язык для специальных целей; мобильные приложения, ИКТ, специальная лексика.

ICT FOR TEACHING TECHNICAL (LEGAL) VOCABULARY AND CURRENT ASSESSMENT OF ITS ACQUISITION

Elena G. Vyushkina, ORCID ID 0000-0002-0004-1262, Saratov State Law Academy, 1, Volkaya Str., Saratov, 410056, Russia, vyushkina@mail.ru

Information-communication technologies (ICT) are widely used in foreign language teaching. Such ICT characteristics as software flexibility and availability to formalize control functions make them of great interest for teaching technical vocabulary and organizing current control of its acquisition. The article presents specific examples of implementation into Legal English teaching of such educational Internet resources as a learning platform *memrise* and an application *Kahoot!*. In particular, there described processes of developing courses on the *memrise* platform for internet support of the textbooks used and creation of current control tests on the *Kahoot!* website. Special attention is paid to implementation of mobile applications to these educational resources in order to increase students' learning motivation and to intensify the teaching and learning process. Some recommendations for further implementation of these developments are given.

Key words: ESP, mobile applications, ICT, technical vocabulary.

XXI век называют веком цифровых технологий: ни одна сфера жизни и деятельности человека немыслима сегодня без использования средств современной коммуникации и обращения к информационным, справочным, диагностическим, образовательным ресурсам сети интернет. Интернет стал неотъемлемой частью системы образования на любом ее уровне, и обучение иностранным языкам не является исключением.

Говоря об использовании ресурсов сети интернет в обучении иностранным языкам, кажется целесообразным оперировать устоявшимся термином «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ), которые занимают важное место в списке средств обучения, так как обеспечивают повышение его качества и способствуют интенсификации учебного процесса.

Ресурсы сети интернет для обучения иностранным языкам постоянно пополняются, и на современном этапе очень сложно уследить за всеми новинками. В начале нулевых интернет, в первую очередь, являлся источником аутентичных печатных и видеоматериалов, на рубеже десятых *Web-2.0* технологии дали толчок для развития сетевого дистанционного взаимодействия преподавателей и студентов, а сегодня, по данным издания *Finances Online* на 2020 год, количество провайдеров интернет-платформ для обучения (*Learning Management System – LMS*) превысило 1000.

LMS позволяют решать глобальные задачи организации дистанционного или смешанного обучения, их выбор и наполнение учебным материалом – это прерогатива учебного заведения. Для преподавателей гораздо бóльший интерес представляют программы/веб-сайты, дающие возможность решать локальные задачи учебной дисциплины.

1. ИКТ для обучения лексике

В неязыковых вузах преподаватели английского языка в большинстве своем работают с курсами английского языка для специальных целей (*ESP*), а такой курс неразрывно связан с усвоением значительного объема специальной лексики. Знание специальной лексики обязательно при обучении чтению и переводу [4, 8, 9], письму [2, 6] и говорению [1], критично для развития коммуникативной профессиональной компетенции [5, 7, 12], и, традиционно, достаточно много времени на занятиях по английскому языку для специальных целей отводится работе с терминологическими единицами. ИКТ существенно упрощает процесс усвоения специальной терминологии: автоматизированный контроль, возможный, в том числе, и с мобильных устройств, дает возможность проводить работу по отработке лексического материала вне рамок занятия в аудитории, оставляя больше времени для развития навыков говорения и профессиональной коммуникации непосредственно под контролем преподавателя.

Сегодня существует целый ряд обучающих интернет-платформ, работа которых построена по принципу работы с дидактическими карточками: метод, который широко используют преподаватели иностранных языков. Более того, при использовании ряда ресурсов существует возможность наполнения программной оболочки авторским содержанием, в нашем случае специальными терминологическими единицами. Большинство разработчиков таких интернет-платформ сегодня параллельно создают мобильные приложения, что существенно увеличивает вероятность их активного использования студентами. Анализ литературы [3] и практическая проверка таких ресурсов, как *Anki*, *Quizlet*, *memrise* обусловили выбор автора в пользу последнего (*memrise*) для внедрения в собственную практику.

1.1. Особенности использования обучающей платформы *memrise* для обучения специальной (юридической) лексике

Обучающая платформа *memrise* (<https://www.memrise.com/>) является результатом совместной работы психологов, лингвистов и программистов. При разработке программного обеспечения сайта учитывались последние научные достижения в области изучения процессов запоминания и перехода информации из краткосрочной в долгосрочную память. Именно эти процессы определяют время, через которое пользователям приходят уведомления о необходимости повторить изученный материал. Более того, возможность до-

бавить к изучаемой лексической единице «мем» (картинку/изображение, каким-либо образом ассоциирующееся у студента со словом) значительно упрощает запоминание. Таким образом, научный подход к процессам запоминания и усвоения материала является одним из «трех китов», на которых, по словам разработчиков ресурса, «покоится» *memrise*, обеспечивая ему успех на рынке образовательных Интернет-ресурсов.

Необходимо отметить простой и понятный интерфейс сайта. Он позволяет легко разобраться в предлагаемых разнообразных курсах, среди которых преобладают курсы по изучению иностранных языков. В большинстве своем эти курсы являются списками слов и выражений, представленных в виде «цифровых карточек» (озвученных или нет) и/или коротких видео на изучаемом языке. Программное обеспечение дает студентам возможность менять такие параметры обучения, как количество новых лексических единиц для изучения в рамках одной обучающей сессии, длительность занятия, количество слов в режиме повторения.

В режиме обучения сначала вводится новый материал (пара слово/словосочетание – перевод или толкование), затем в рамках данной сессии эти пары предлагаются в различных конфигурациях: множественный выбор с возрастанием количества ответов и сменой языка (с изучаемого на родной и наоборот); для словосочетаний – построение последовательностей; нахождение соответствий; введение слова с клавиатуры. Графически изучение нового материала сопровождается «выращиванием цветочка»: каждый правильный ответ превращает семена сначала в ростки и бутоны, а потом распускаются цветы. Процесс повторения отображается поливом растений. Простая анимация вносит своеобразный элемент развлечения, что является еще одной составляющей успеха данного образовательного ресурса. О необходимости повторить усвоенный материал студентам сообщается письмом на адрес регистрации аккаунта или пуш-уведомлением на телефон. Одним из важных достоинств *memrise* является синхронизация работы на сайте и в мобильном приложении.

«Третий кит» успеха *memrise* – это возможность размещать авторские курсы пользователей. Именно эта возможность *memrise* делает этот ресурс особенно интересным для преподавателей английского языка для специальных целей. Для создания авторского курса достаточно умений и навыков

грамотного интернет-пользователя, так как рекомендации по размещению курса на сайте очень подробны и понятны.

На базе данной обучающей платформы были созданы курсы для интенсификации обучения лексике, включённой в содержание учебных программ преподаваемых дисциплин. Каждый курс (для студентов 1 и 2 годов обучения) разбит на разделы, соответствующие разделам используемых учебников, и содержит необходимый терминологический минимум.

Студентам предлагается выбирать узнаваемые «ники» при регистрации, если они хотят продемонстрировать своему преподавателю активное участие в выполнении самостоятельной работы по освоению лексического материала курса. Тем не менее остается необходимость проводить текущий контроль усвоения специальной лексики в той или иной форме.

2. ИКТ для контроля усвоения специальной лексики

Вопросы автоматизированного контроля и оценки знаний, умений и навыков, полученных в результате изучения дисциплины «Иностранный язык» остаются дискуссионными, так как данные процессы достаточно сложно формализовать для навыков говорения и письма. Тем не менее, постоянно ведутся педагогические эксперименты по использованию ИКТ для осуществления контроля и оценивания.

Без сомнения, при использовании полноценных *LMS*, например, *Moodle*, можно организовать различные виды контроля: текущий, рубежный, итоговый [10], так как система позволяет создавать не только онлайн-тесты разных конфигураций (да/нет, множественный выбор один правильный ответ из нескольких, несколько из нескольких, построение последовательностей, нахождение соответствий), но и загружать файлы-ответы, в том числе и звуковые. Но для проверки содержания ответа в файле привлекается преподаватель, т.е. нельзя говорить о полностью автоматизированном контроле.

С развитием мобильных устройств начались и продолжаются педагогические эксперименты по их применению для осуществления контроля усвоения знаний. Некоторые исследователи сотрудничают с разработчиками авторских программ, например, внедряют «мобильную систему тестирования *PeLe* (Норвегия, *HiST*)» [13], другие используют разработки, существующие в открытом доступе, в частности, приложение *Kahoot!* [11], о котором и пойдет речь ниже.

2.1. Особенности использования приложения *Kahoot!* для организации текущего контроля усвоения специальной (юридической) лексики

Педагогический эксперимент по внедрению приложения *Kahoot!* для организации текущего контроля усвоения специальной (юридической) лексики начался в первом семестре 2018/19 года, и первые результаты показали повышение качества усвоения лексического материала [15], что стало причиной продолжения эксперимента, в частности, создания и внедрения новых тестов текущего контроля, вовлечение большего количества студентов.

Использование приложения *Kahoot!* позволяет решить проблему организации текущего автоматизированного контроля вне компьютерного класса. В данном приложении можно создавать тесты множественного выбора (один правильный ответ из многих, несколько из многих) и тесты на построение последовательностей. Эти тесты можно проходить индивидуально на компьютере или смартфоне, а можно работать в групповом режиме.

Для работы в групповом режиме достаточно аудитории, оснащенной только одним компьютером, подключенным к сети интернет, и проектором/большим монитором, на котором будет отображаться вопросы. Для ответов студенты используют свои смартфоны, также имеющие выход в интернет. Приложение *Kahoot!* загружается на любое мобильное устройство, и для участия в тесте студентам даже не нужно иметь свой аккаунт и логин.

Преподаватель запускает программу на компьютере, а студенты включают приложение на своих смартфонах, вводят код теста, сгенерированный программой (появляется на большом экране), и свое имя (также отображающееся на экране). После регистрации всех студентов начинается тестирование. На экране появляются вопрос и варианты ответов, которым соответствует геометрическая фигура (круг, треугольник, ромб, квадрат) на цветном фоне (красный, синий, зеленый, желтый). На экранах смартфонов появляются четыре (два/три) цветных фигуры, из которых студенты и выбирают ту, которая соответствует правильному, по их мнению, ответу. После каждого вопроса на экране отображается диаграмма, показывающая, какой ответ был правильным, и сколько было дано правильных ответов. Затем появляется таблица с текущим количеством очков, набранных каждым студентом. Количество очков зависит не только от правильности ответа, но и от быстроты, с которой он был дан. Элемент соревнования оживляет процесс тестирования и повышает интерес студентов и, следовательно, их мотивацию. Резуль-

таты теста в виде таблицы *Excel* загружаются на компьютер для последующего анализа. Проведение теста из десяти вопросов занимает не более пяти минут с момента запуска программы.

Необходимо отметить, что создание теста не требует специальных знаний и не является трудоемким (по сравнению, например, с *LMS Moodle*). На сайте предлагается скачать готовую форму (файл), в которую вводится материал, а затем эта форма загружается обратно на сайт. Четкие инструкции делают процесс создания теста простым и быстрым. Программное обеспечение позволяет создавать до четырех ретракторов, устанавливать время для обдумывания ответа, добавлять графические элементы к вопросу. Готовый тест можно разместить как в открытом, так и в закрытом доступе. Для организации текущего контроля необходимо выбирать закрытый режим, чтобы студенты не могли узнать заранее, какие конкретно лексические единицы войдут в тест. В то же время, при желании, студенты могут найти на сайте *Kahoot!* множество различных тестов, которые можно использовать для тренировки лексических и грамматических знаний, умений и навыков.

Заключение

Преподаватели иностранных языков постоянно ищут новые способы применения ИКТ в учебном процессе, что отражается в многочисленных публикациях по данной теме. Появляются новые ресурсы или нетипичное использование давно известных, а внедрение мобильных приложений в обучение иностранным языкам является одним из самых актуальных направлений педагогических экспериментов в данной области.

Мобильные приложения можно применять для решения различных образовательных задач: например, аналитический обзор использования мессенджеров [14] выделяет такие области, как обучение чтению, аудированию, говорению, лексике, развитие коммуникативных навыков. Таким образом, отработка специальной лексики и текущее тестирование ее усвоения являются одними из многих направлений применения мобильных устройств в учебном процессе. Эмпирические данные показывают, что использование мобильных приложений для изучения лексики повышает качество ее усвоения и мотивацию студентов. Говоря об использовании мобильных приложений для организации текущего контроля, необходимо отметить, что после проведения работы по созданию и размещению тестов процесс существенно

упрощается и ускоряется, более того, значительно повышается интерес студентов к изучению необходимого учебного материала.

Разработка и создание ИК-поддержки для широко используемых учебников по юридическому английскому и обмен с коллегами ссылками на созданный с помощью бесплатного программного обеспечения контент могут значительно обогатить средства обучения каждого преподавателя и повысить качество обучения иностранным языкам, особенно в свете дефицита академических часов, предназначенных на изучение дисциплины в неязыковом вузе.

Список литературы

1. Ачкасова Н.Н. Как эффективно обучать студентов вуза говорению на иностранном языке // Наука и образование: новое время. Научно-методический журнал. 2018. № 1 (8). С. 38-43.

2. Варшамова Н.Л., Яшина Е.В. Особенности текстов деловой письменной коммуникации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 216-220.

3. Вьюшкина Е.Г. ИКТ в обучении иностранным языкам: цифровые дидактические карточки // Язык и мир изучаемого языка : сб. науч. ст. / [ред. совет: А. А. Зарайский, Е. А. Елина, Н. П. Тимофеева]. Вып. 9. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. С.205-209.

4. Ессина И.Ю. Перевод как инструмент интегрирования специальных знаний // Русская литература и современные проблемы образования: материалы Международной научно-практической конференции (15 октября, 2015, СГЮА). С. 191-193.

5. Ессина Ю.Ю., Семенова Э.В. Функционирование лексических единиц в структуре юридического текста (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 6. С. 142-145.

6. Зотеева Т.С., Игнаткина А.Л. Развитие навыков ведения юридической переписки на английском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (137). С. 54-58.

7. Игнаткина А.Л., Зотеева Т.С. Использование фреймового моделирования в процессе изучения английского языка // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3 (108). С. 54-61.

8. Калмазова Н.А. Перевод английских и русских терминов системы следственных органов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 3 (122). С. 241-249.

9. Максимова С.Ю., Мацюпа К.В. Необходимость совершенствования языковых навыков в сфере права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 255-262.

10. Минеева О.А., Клопова Ю.В., Борщевская Ю.М. Организация и проведение текущего контроля при обучении иностранному языку с помощью LMS Moodle // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-2 (67). С. 210-212.

11. Пак Л.Е., Данилина Е.К. Оптимизация системы контроля на занятиях по иностранному языку на базе мобильного приложения "Kahoot" // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 197-199.

12. Семенова Э.В. Роль формирования языковой компетенции для межкультурной коммуникации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 270-272.

13. Титова С.В. Контроль и оценивание в языковом классе с помощью мобильных приложений // Вестник Московского университета. Серия 19 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. № 1. С. 24-35.

14. Kartal G. (2019). What's up with WhatsApp? A critical analysis of mobile instant messaging research in language learning. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 6(2), 352-365. DOI: <https://doi.org/10.33200/ijcer.599138>

15. Vyushkina E. Mobile Applications for Current Assessment of Legal Terminology Acquisition // Общество и языки в третьем тысячелетии. Коммуникация. Образование. Перевод = Society and Languages in the Third Millennium. Communication. Education. Translation Избранные доклады, тезисы и программа ежегодной Международной конференции. 2019. С. 283-289.

References

1. Achkasova, N.N. (2018) Kak jeffektivno obuchat' studentov vuza govoreniju na inostrannom jazyke [How to Teach Speaking in A Foreign Labguage Effectively in the University]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremja. Nauchno-metodicheskij zhurnal*. [Science and Education: New Time. Academic and methodological journal], 1 (8), 38-43 (in Russian).

2. Varshamova, N.L., Yashina, E.V. (2015) Osobennosti tekstov delovoj pis'mennoj kommunikacii [Features of Business Written Texts]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii*. [Bulletin of Saratov State Law Academy], 5 (106), 216-220 (in Russian).

3. Vyushkina, E.G. (2018) IKT v obuchenii inostrannym jazykam: cifrovye didakticheskie kartochki [ICT in teaching foreign languages: digital flach-cards]. *Jazyk i mir izuchaemogo jazyka : sb. nauch. st.* [Language and the World of the Language Studied], 9, 205-209 (in Russian).

4. Essina, I.Yu. (2015) Perevod kak instrument integrirovaniya special'nyh znaniy [Translation as a Specific Instrument of Knowledge Integration]. *Russkaja literatura i sovremennye problemy obrazovanija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Russian Literature and Problems of Modern Education], 191-193 (in Russian).

5. Essina, I.Yu., Semenova, E.V. (2019) Funkcionirovanie leksicheskikh edinic v strukture juridicheskogo teksta (na materiale anglijskogo jazyka) [Lexical Units Functioning in Juridical

Text Structure (by the Material of the English Language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Linguistics. Issues of Theory and Practice], V. 12, 6, 142-145 (in Russian).

6. Zoteeva, T.S., Ignatkina, A.L. (2019) Razvitie navykov vedenija juridicheskoy perezpiski na anglijskom jazyke [Developing legal correspondence skills in English]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University], 4 (137), 54-58 (in Russian).

7. Ignatkina, A.L., Zoteeva, T.S. (2019) Ispol'zovanie frejmovogo modelirovaniya v processe izuchenija anglijskogo jazyka [Use of Frame Modeling in Studying English]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 3 (108), 54-61 (in Russian).

8. Kalmazova, N.A. (2018) Perevod anglijskih i ruskikh terminov sistemy sledstvennykh organov [Translation of the English and Russian Criminal Investigation Terms]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy juridicheskoy akademii*. [Bulletin of Saratov State Law Academy], 3 (122), 241-249 (in Russian).

9. Maksimova, S.Yu., Matsupa, K.V. (2018) Neobhodimost' sovershenstvovaniya jazykovykh navykov v sfere prava [The Need to Improve Linguistic Skills in the Sphere of Law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy juridicheskoy akademii*. [Bulletin of Saratov State Law Academy], 4 (123), 255-262 (in Russian).

10. Mineeva, O.A., Klopova, Ju.V., Borshhevskaja Ju.M. (2017) Organizacija i provedenie tekushhego kontrolja pri obuchenii inostrannomu jazyku s pomoshh'ju LMS Moodle [Organizing and Carrying Out the Current Control while Teaching Foreign Language with the Help of LMS Moodle]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Linguistics. Issues of Theory and Practice], 1-2 (67), 210-212 (in Russian).

11. Pak, L.E., Danilina, E.K. (2019) Optimizacija sistemy kontrolja na zanjatijah po inostrannomu jazyku na baze mobil'nogo prilozhenija "Kahoot" [Optimization of Control System on Foreign Language Classes on the Basis of the Kahoot Mobile Application]. *Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologija* [Azimuth of Academic Research: Pedagogy and Psychology], V. 8, 3 (28), 197-199 (in Russian).

12. Semenova, E.V. (2016) Rol' formirovaniya jazykovoj kompetencii dlja mezhekul'turnoj kommunikacii [Language Competence Formation for Intercultural Communication]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Academic Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Studies], 2 (71), 270-272 (in Russian).

13. Titova, S.V. (2017) Kontrol' i ocenivanie v jazykovom klasse s pomoshh'ju mobil'nykh prilozhenij [Mobile testing apps for assessment and evaluation in language classroom]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19: Lingvistika i mezhekul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-cultural communication], 1, 24-35 (in Russian).

14. Kartal, G. (2019). What's up with WhatsApp? A critical analysis of mobile instant messaging research in language learning. *International Journal of Contemporary Educational Research*, 6(2), 352-365. DOI: <https://doi.org/10.33200/ijcer.599138>

15. Vyushkina, E.G. (2019) Mobile Applications for Current Assessment of Legal Terminology Acquisition. *Obshchestvo i jazyki v tret'em tysjacheletii. Kommunikacija. Obrazovanie. Perevod = Society and Languages in the Third Millennium. Communication. Education. Translation Izbrannye doklady, tezisy i programma ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii* [Selected Reports, Abstracts and Programme of International Conference], 283-289.

УДК 372.881.111.1

ББК 74

NEW TREANDS IN EDUCATION BASED ON DIGITALIZATION

Gorbunova, N.V., Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A., 89, Radishcheva Str., Saratov, 410003, Russia, gnv2000@rambler.ru

Katsun, A.P., Saratov State Technical University named after Gagarin Yu. A., 89, Radishcheva Str., Saratov, 410003, Russia, nastya.katsun@mail.ru

This article examines the impact of the digital economy on the development of the educational sector. It is proved that digital economy determines the development of digital education both in Russia and in foreign countries. The importance of the issue of learning English as a foreign language using digitalization methods and tools is emphasized.

The concepts of online education and educational trends connected with the digital age are clarified. A current model of the general education process is presented and the differences between education in different states are revealed. The issue of foreign education advantages are analyzed. Innovative methods and technologies for the formation and development of digital competencies in education are named, and digital educational platforms are also considered. The problems associated with qualified specialists training and retraining in various industries of our country are described.

The author concludes that the digital economy has enormous potential in improving educational cultural capital and opens up new opportunities for its qualitative and quantitative improvement. As a result similarities and differences in methods and processes of educational activity in different countries were determined and ways to improve education in Russia were identified.

Key words: digitalization, educational trends, Russia, university, foreign languages.

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Горбунова Наталья Васильевна, доктор социологических наук, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Российская Федерация, gnv2000@rambler.ru

Кацун Анастасия Павловна, студентка 2 курса, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Российская Федерация, nastya.katsun@mail.ru

В данной статье рассматривается влияние цифровой экономики на развитие образовательного сектора. Доказывается, что цифровая экономика обуславливает развитие цифрового образования как в России, так и в других странах. Подчеркивается важное значение изучения английского языка как иностранного в период пандемии с использованием методов и инструментов цифровизации.

Уточнены понятия онлайн-образования и образовательных трендов, присущих цифровой эпохе. Представлена современная модель общего процесса образования и выявлены различия между обучением в разных государствах, анализируется вопрос превосходства зарубежного образования. Названы инновационные способы и технологии формирования и развития цифровых компетенций в образовании, а также рассматриваются цифровые образовательные платформы. Описаны проблемы, связанные с подготовкой и переподготовкой квалифицированных специалистов в различных отраслях в нашей стране.

Авторы приходят к выводу, что цифровая экономика обладает огромным потенциалом в совершенствовании образовательного культурного капитала и открывает новые возможности для его совершенствования. В результате исследования определены точки соприкосновения и различия в методах и процессах образовательной деятельности разных стран и обозначены пути совершенствования обучения в России.

Ключевые слова: цифровизация, образовательные тренды, Россия, университет, иностранные языки.

Introduction (relevance)

Last few years the problem of education digitalization in Russia and foreign countries has become more vital than ever. Recent events related to COVID-19 are the reason for a sharp jump in digitalization development. However, many experts are confident that the steps (development of electronic platforms, improvement of the data storage system, training, student-teacher communication, etc.) taken during this short period in the sphere of education, most likely, would not have been taken for many years.

The coronavirus which deprived most people of the world of an impressive part of their income and the usual circle of communication and entertainment outside their home, gave self-isolated citizens a lot of free time as opportunities for self-development. Traditionally people are short of time to study foreign languages.

In the era of Google Translate and the dominance of English at the global level, the desire to learn different languages seems strange. However, experience shows that it is very promising. The employers are very interested in the workers who do not stop having learnt business-English. So, the quarantine hobby is a huge advantage when you go up a career ladder or look for a vacancy.

Moreover, the world is constantly changing and the education quality depends on the pace and nature of the introduction of new technologies directly, therefore, new trends are interesting and, in our opinion, important topic for consideration and study. For example, our country can adopt some of the technologies or methods of their use from other states to improve the conditions and quality of education in our country.

Statement of the problem

Comparing Russian and foreign universities we can see some features. First of all, Russian education system faces a number of challenges one of which is the discrepancy between the quality of digital educational environments and the needs of various professional economic sectors for specialists.

There is also a direct demand for the transition from traditional forms of educational process to digital and hybrid models. We mean changing of goals and the content of education, improving the educational process and saturation it with digital devices.

Discussion

Primarily, there is an increase in the amount of information and methods of processing it, almost every person has personal devices (smartphones, tablets, laptops) with continuous Internet access, that is, people are «always online».

Due to this it became possible to use online learning easily. It is a modern tool that allows you to get the knowledge and skills a person needs at any time and in any place [0:167].

Today the world is undergoing digital transformation. Traditional lectures have the lowest retention rates, while technologies such as virtual reality can increase retention rates to significant levels. That is why it is important to take into account the trends of the modern digital world in the educational process.

Considering learning foreign languages, computer training programs have a number of advantages over traditional teaching methods being, first of all, means of direct audiovisual online interaction. Using it together with traditional teaching methods allows to train various types of speech activity, understand the nature of linguistic phenomena, form linguistic abilities, create communicative situations, automate language and speech skills and ensure the implementation of an individual approach and intensify the student's independent work, and also helps to increase cognitive activity, motivation and quality of knowledge [0:104].

Advantages of new technologies such as their interactivity, polymodality, multimedia, content visualization play an important role in learning. Thus, computer visualization of educational content, especially in a playful interactive form, develops cognitive styles of thinking, creativity and mental activity of students and also has a positive effect on their psychological and emotional state [0:105].

Based on research, the following main trends in educational activities in the digital economy can be identified.

1. Online education

According to the results of a large study of the Russian market of online education and educational technologies, we can observe the growth of online education at all its levels.

Despite the fact that distance learning was widely spread last year a full transition to online education is not expected, while many educational organizations are at the stage of introducing blended learning, which involves attending both face to face classes and online courses.

2. Adaptive learning.

The use of innovative adaptive systems of education helps to introduce individual learning for a specific person. Mechanisms analyze the material passed by the student, errors in tests, and progress in learning. Such analysis helps the system to build an educational path and increase the efficiency of the learning process.

3. Gamification.

Game-based learning simplifies the perception of educational material and increases the interest of students.

4. Microlearning.

Today employers highly evaluate certificates confirming professionalism in a particular area. So, the emphasis is on point learning. It displaces global courses that require many months (many years) of mastering.

5. Artificial intelligence and machine learning.

Over the last 5 years, artificial intelligence has significantly improved teaching skills. At the moment, artificial intelligence cannot completely replace the teacher but it can act as an almost error-free assistant.

6. Virtual and Augmented Reality (VR and AR).

The market for virtual and augmented reality is growing rapidly as it is possible to vary the content for training with the help of these technologies.

The purpose of this tool is to expand the physical space of a person's life with objects created de means of digital devices and programs that have the character of an image. Elements of virtual and augmented reality are used to study various disciplines.

Virtually all leading Western universities are in a dynamic state of renewal and reform. They strive to put into practice the above innovations, to introduce them into open access. But at the same time, it is also important for them to maintain a balance between innovations and traditions to not destroy the latter.

Multidisciplinary programs are being introduced more and more, that is, graduates specialize not in one but in two or three areas [0:167]. For example, a graduate receives a diploma in management, social sciences and foreign languages. Such multidisciplinary programs have been adopted by many British universities, in particular, at the Robert Gordon University (School of Computer Science), at the University of Staffordshire. A similar technique is also used in Russia but in smaller volumes. Modern universities use flexible forms of education, constantly adapting to changes in social life. Models of professional activity in the learning process are created through compulsory business games, practical seminars and projects [0:152].

While children all over the world experience weeks and months of distance learning, educational technology companies are flourishing and their products are being marketed as the most optimal solution. Few companies were prepared for that including language learning software companies.

During the first lockdown in March, the number of uses of such applications as Duolingo, Memrise and Rosetta Stone has skyrocketed. Duolingo had 300% more new users. Over the summer they returned to the old indicators, however, with the new lockdown everything started growing again.

Among the advantages of using ICTs in comparison with traditional face-to-face learning are such practical conveniences as:

1. Flexibility in terms of time (some types of work can be done out of class time).
2. Reducing transport and time costs.
3. The possibility of organizing practical classes, consultations, tests and exams, testing both individually and for groups.

Among the qualitative changes, it is worth mentioning such opportunities as platforms for conducting online classes in video conferencing mode (Zoom,

Skype, Microsoft Teams, etc.), the use of an interactive whiteboard, the creation of simulators and online tests on the topics covered (for example, on the Quizlet platforms, Google Forms, etc.), which allow to work out lexical and grammatical material, place useful links to video resources in the electronic educational environment for repetition and consolidation of the material, as well as for independent work [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**:121].

In addition, an individual format of work is also possible through the teacher's control of students' knowledge with the help of audio and video recording. All mentioned above does not only reinforce knowledge, but also increases the motivation for mastering a foreign language due to the interactive form of such activities.

Another important aspect in the activities of foreign universities is cooperation with many online projects. One of them is the Coursera project.

Coursera is a massive online education project founded by Stanford University computer science professors Andrew Ng and Daphne Koller. There is a project for the publication of educational materials on the Internet in the form of a set of online courses.

The project collaborates with universities that publish and conduct courses in various fields of knowledge in the system. Students take courses, communicate with fellow students, take tests and exams directly on the Coursera website, and an official mobile application for iPhone and Android is also distributed.

It appeared in 2012, but now it is gaining immense popularity and in 2020 more than 77 million users studied there. In addition, they cooperate with over 200 leading universities and companies in the world. Back in 2012, Coursera started working with Stanford, Princeton, Michigan and Pennsylvania universities.

About 38.5% of students live in the United States. Countries such as Brazil, China and India lead the list of foreign listeners, and the site also has significant audiences from Germany, Spain, the UK, Canada, Australia and Colombia.

What is in Russia? Unfortunately, the system of teaching students in most regions of our country is significantly outdated. In such cases, teachers offer students completely unnecessary teaching material. As a result, graduates cannot find decent highly paid job. Also, a huge problem is that students come to higher educational institutions mainly to get a diploma, and not to get the knowledge itself.

A low salary of teachers is one more significant problem. However, during the pandemic in Russia, the number of foreign language learners increased significantly. Applications, online platforms, interactive learning are also used.

20% of Russians planned to study a foreign language in 2021; among citizens under the age of 24, 28% of respondents have such plans, according to a survey by the research center of the SuperJob.ru portal. The study shows that Russian women are keen on the idea of learning a foreign language more this year than men – 22% and 18% of respondents, respectively.

In addition, the study of open data on the websites of Russian universities indicates online support for applicants in which there is no interactive component. A fairly small number of domestic universities organize webinars – lecture halls for applicants (19.2%), online forums for applicants (46.2%), online consultations for teachers and university staff (38.5%).

As a rule, applicants' access to the library electronic resources of the university is not provided, the opportunity to apply for admission online is also not provided, while 100% of foreign universities organize remote reception of applications and documents for admission. Also, in most cases, on the website of Russian universities there is no option for choosing and implementing remote interaction with a scientific advisor before entering the educational program.

In this regard the experience of digitalization of the support of applicants by leading foreign universities is very useful. In fact, all leading universities in foreign countries notify their applicants on their websites about special events for applicants.

Conclusion

The role of digitalization of the educational process is becoming more and more significant for both formal and non-formal studying. In the era of mobile technologies.

The current situation in higher education shows that it has become vitally important to conduct classes using new information technologies. Online learning should not exclude traditional teaching methods, but only supplement them.

The main goal of online learning is the formation of sustainable motivation through the active participation of students and teachers in the educational process. It is possible to ensure a qualitative improvement of the results of educational activities only with a reasonable combination of accumulated methods, personal experience and modern technologies.

It can be concluded that Russia has to maintain its own competitiveness by modernizing education systems and professional retraining of personnel [0:151].

Modern education in Russia did a lot on the path of digitalization but, unfortunately, it is still several steps behind developed countries and needs new reforms.

The use of digitalization tools in the educational field contributes to an increase in the individualization of the educational process and the ability to study at any convenient time, in any convenient place. Thus, all the tools of digitalization of the educational process play an important role in education. It can be noted that the listed trends and learning tools in the digital economy stem from the characteristics inherent in the modern generation.

References

1. Fedunova, M.N. (2021) Problemy distancionnogo obuchenija jazykam v uslovijah pandemii [Problems of distance learning foreign languages in a pandemic] // *Simvol nauki* [Symbol of Science], №3, 119-123 (in Russian).

2. Gorbunova, N.V. (2020) Cifrovoe razvitie kul'turnogo kapitala [Digital development of cultural capital] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], 2, 149-152 (in Russian).

3. Gorbunova, N.V., Shelyakhina, N.V. (2020) Cifrovaja jekonomika-imperativ innovacionnogo obrazovatel'nogo razvitija kul'turnogo kapitala v sovremennom obshhestve [Digital economy – the imperative of innovative educational development of cultural capital in modern society] // *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Social and Economic University], 2 (76), 164-167 (in Russian).

4. Oksyuta, A.A. (2019) Ispol'zovanie cyfrovyyh resursov pri obuchenii inostrannomu jazyku [Using digital resources in teaching a foreign language] // *Innovacionnye tehnologii obuchenija inostrannomu jazyku v VUZe i shkole: realizacija sovremennyh FGOS* [Innovative technologies for teaching a foreign language at a university and school: the implementation of modern FSES]. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 103-109 (in Russian).

УДК 811.1

ББК 74.48

INTERACTIVE METHODS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING AT A LAW SCHOOL (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH LANGUAGE)

Kalinina, M.G., ORCID ID 0000-0002-4930-0018, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, mara1976.01@mail.ru

Kaminskaya, E.V., ORCID ID 0000-0002-8720-2558, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, katrina78@yandex.ru

Kudryashova, S.V., ORCID ID 0000-0003-4260-0306, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, sphiaku@yandex.ru

Sakovets, S.A., ORCID ID 0000-0001-5154-7629, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, sakovetssa@yandex.ru

The authors of the article aimed at identifying organizational and methodological conditions for using interactive methods of teaching a foreign language in a law school. Research methods: analytical method (analysis and generalization of scientific and pedagogical literature), empirical method (observation and analysis of work experience). The article presents modern technologies used by the authors in their practice of teaching a foreign language at a university: brainstorming, case-method, method of cooperative learning, role-playing games, interviews, trainings; a method of conducting classes using these technologies is proposed. A purpose of interactive methods of teaching a foreign language is to acquire knowledge, skills and abilities at a level appropriate to student's individual characteristics, to develop independence, to promote interpersonal relationships, to stimulate social skills, to develop creative thinking, to encourage student's responsibility in the learning process. The activities presented in this article should also be transferred to other contexts. That is why this article can be useful for many readers.

Key words: foreign language in the field of law, interactive teaching methods, motivation, interaction.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ (АНГЛИЙСКОМУ) ЯЗЫКУ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Калинина Марина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, mara1976.01@mail.ru

Каминская Екатерина Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, katrina78@yandex.ru

Кудряшова Софья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, sophiaku@yandex.ru

Саковец Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, sakovetssa@yandex.ru

Авторы статьи ставили перед собой цель выявить организационно-методические условия применения интерактивных методов обучения иностранному языку в юридическом вузе. Методы исследования: аналитический метод (анализ и обобщение научно-педагогической литературы), эмпирический метод (наблюдение и анализ опыта работы). В статье представлены современные технологии, применяемые авторами в практике преподавания иностранного языка в вузе: мозговой штурм, кейс-метод, метод кооперативного обучения, ролевые игры, интервью, тренинги; предложена методика проведения занятий с

использованием данных технологий. Целью интерактивных методов обучения иностранному языку является овладение знаниями, умениями и навыками на уровне, соответствующем индивидуальным особенностям обучающегося, развитие самостоятельности, содействие межличностным отношениям, стимулирование социальных навыков, развитие креативного мышления, поощрение ответственности обучающегося в процессе обучения.

Ключевые слова: иностранный язык в сфере юриспруденции, интерактивные методы обучения, мотивация, интеракция.

Introduction

Communication, defined as a semantic aspect of social interaction – is an interdisciplinary concept, an object of study of natural science, scientific and technical and socio-humanitarian disciplines. Communication necessarily implies existence of goals. The following communication functions are distinguished: managerial, informative, and phatic (related to establishing contacts). According to the ratio of these functions, messages are conditionally distinguished: motivational (persuasion, suggestion, order, request); informative (transmission of real or fictional information); expressive (arousal of emotional experience); phatic (establishing and maintaining contact). In communication, the main thing is information exchange in society through different channels using various communication tools, both in interpersonal and mass communication. Means of communication include: speech communication (verbal communication), non-verbal communication, material and symbolic (products of production, fine art, etc.). The authors of the article aimed at identifying organizational and methodological conditions for using interactive methods of teaching a foreign language in a law school, revealing possibilities of implementing the analyzed methods of work in the framework of a webinar, studying and analyzing available theoretical literature on modern methods of teaching foreign languages aimed at joint active work of students, summarizing the data obtained on the basis of using modern methods of teaching foreign languages in practice.

Basic concepts of the linguistic theory of communication are: communication, speech activity, information, information exchange, and communication space. The key to successful interaction, mutual understanding and cooperation of subjects of communication in a foreign language is development of communicative competence in the classroom. Communicative language competence, in its linguistic, sociolinguistic and pragmatic aspects,

allows to carry out activities using proper language tools. A communicative activity involves implementation of communicative competence in the process of perception and/or generation of one or more texts in order to solve a communicative problem of communication in a particular field of activity [1].

Professional communication involves a meaningful process of interaction, mutual influence in order to exchange information, achieve understanding on certain issues, and develop contacts. Formation of professional communication skills in a foreign language at a law school is aimed at developing skills of written and oral business communication in a foreign language, mastering basics of specialized translation of legal texts. This is the development of the ability to use foreign language legal terms, cliches and syntactic means of communication that are characteristic of legal texts in a foreign language correctly and in accordance with the situation. Students should be able to use reference literature, foreign-language templates of official letters, cliches and expressions for making annotations and abstracts, for conducting discussions, and techniques for writing abstracts and highlights of oral presentations.

Requirements for a future specialist are to think critically on your own, to be able to generate new ideas, to think creatively. Communication skills, the ability to work in different social groups, the ability to recognize our emotions and the emotions of other people and manage them, form judgments and make decisions focused on the client, negotiate, the ability to overcome conflict situations are the essence of key skills of future lawyers.

The authors of the article studied and analyzed the available theoretical literature on modern teaching methods aimed at joint active work of students in the framework of regular classes as well in the digital environment. The need to develop and implement modern methodological technologies in the process of teaching foreign languages at a law school, designed to form the skills of speech communication, social interaction, search and critical analysis, and information synthesis, both in the framework of offline training and in the framework of a webinar, has determined the relevance of the scientific article.

1. Personal-activity and learner-centered approaches to teaching a foreign language

The basis of teaching foreign languages is recognized as personal-activity [12] and learner-centered approaches [6]. Organization of educational material, use of certain techniques, methods, exercises, etc. should be refracted through the

prism of a student's personality – his/her needs, motives, skills, activity, intelligence, and other individual psychological characteristics. A learner-centered approach focuses primarily on a cognitive activity of the students, on development of their individual abilities, creative and reflexive abilities. Priority is given to an independent process of learning and using a foreign language in various situations that require the student to be active, independent, and able to work with information. Cooperative learning and project-based learning allow to involve the student in an active cognitive and communication process, as well as demonstrate real situations of using a foreign language in the field of law.

Motives and goals of the student are the essence of a personal-activity approach, which assumes that the student himself is at the center of training. Based on interests of the student, level of his knowledge and skills, the teacher determines an educational purpose of a lesson; forms and directs the educational process in order to develop the student's personality. Within the framework of the personal-activity approach, it is necessary to consider national, gender-age, individual and psychological, and status characteristics of students. Main features of the activity type of teaching foreign languages are manifested by the communicative orientation of teaching a foreign language. The practical implementation of the activity approach in teaching foreign languages, particularly English, is that communication training should occur during the execution of productive work – to listen to foreign speech, to read texts, to write and to speak, where all these activities are considered as a way to solve students' personal problems and important tasks.

The specifics of the subject "Foreign Language" is due to the peculiarity of its study, namely, outside the conditions of everyday real communication, it is a language that is not the natural means of communication, so the use of interactive methods based on the principle of interaction, dialogue, is designed to facilitate understanding of the subject and increase the motivation for its study. Interaction in the classroom, namely the interaction between the student and the teacher, between the student and the material, between the students – is an important factor in the pedagogical process [9: 26]. Such multi-sided communication gives an opportunity to reveal the personal potential of the students, to express themselves and learn to use a foreign language practically. The use of interactive training methods contributes to the involvement of almost all students in the process of learning, cooperation and collaboration. In this case, the dominance of any

participant in the educational process is excluded. Through interactive learning, students learn to think critically, solve complex problems based on analysis of circumstances and relevant information, weigh alternative opinions, make thoughtful decisions, participate in discussions, and communicate with other people. This is the maximum approximation of the learning process to real communication.

Interactive training methods are aimed at active interaction of students not only with the teacher, but also with each other. The teacher ceases to be the central figure, the teacher only regulates the process, gives tasks, answers questions, formulates the goals of the lesson, controls the time, the process of mastering the material and completing the task. The goal of interactive learning is to create social interaction between students and create favorable conditions for the learner to feel successful and intellectually competent. This goal is achieved by means of the following tasks: increasing motivation for learning; effective assimilation of educational material; independent search by students for ways and options for solving the set of educational task, answers to complex theoretical questions; ability to work in a team, formation of life and professional skills, development of critical thinking.

2. Internet technologies in foreign language teaching

We would like to look at some methods and techniques that can be used when teaching a foreign language at a law school. Social networks (platform, online service, and website) are an opportunity to build, reflect, and organize social relationships on the Internet. Web 2.0 technologies have the following distinctive features: "individual production and user-generated content; use of crowd power, huge amounts of information, complicity architecture, network effects, openness" [11: 11].

2.1 The didactic properties of social network

The didactic properties of social network services include interactivity, creativity, accessibility, and sociality. There are undeniable advantages: openness, the possibility of self-realization and self-expression, decentralization. Social networks promote individualization, but not isolation; flexibility in solving problems, developing your own tasks; evaluating your real language needs; avoiding overload (the computer manages operations and allows the student to focus on the most important things); monitoring results, collaboration between students, and so on [4:126].

According to Titova S. V., this is "a qualitatively new understanding of interactivity: from clicking links between sites to creating your own resources and being able to share them with other users" [11: 14]. The social networks (e.g., Facebook, VK) can therefore be used in addition to traditional distance learning platforms as a place for collaborative learning, because they go beyond a personal social network. Natural communication occurs when learners have a reason to communicate [5] for example, to share cultural works on a common "wall" and comment on them. This type of exchange can provide an opportunity to experience new ways of using language, and perhaps explore situations less formal than in classrooms, to discover a range of language and cultural codes when receiving and reproducing information [8]. The role of the teacher in this case is to teach students to filter the flow of information and communication and to avoid unnecessary and excessive communication.

Writing skills can be developed with the help of social networks. They have high didactic capabilities, as students can practice writing skills in personal correspondence with foreign peers, when creating greeting cards, business letters. They can participate in discussions and leave their comments in a foreign language, participate in contests offered by various communities on social networks.

Social networks can be a reliable source for developing reading skills. Different types of tasks can be used to teach reading through social networks. Students have the opportunity to read news, read blogs in English and participate in discussions. The promotion of writing and reading to the first positions on the criterion of the effectiveness of development in social networks is due to the fact that communication in social networks is mainly written, making them a convenient means of developing the skills of these types of speech activity. Social networks are a good platform that, along with opportunities for developing communicative competence, provides opportunities for solving a number of educational tasks:

- managing the learning process: social networks are an effective tool to help teachers and students stay in touch;
- individualization of the learning process: social networks allow students to complete tasks anywhere, at any time;

- organizing the learning process: in a group in social networks, you can continue the discussion that started in the classroom, and publish tasks for students;
- increasing motivation to learn a foreign language: social networks can be used as a platform for preparing and conducting projects, organizing quizzes and contests, and conducting surveys.

The use of social networks contributes to the implementation of a personal-activity approach, the principle of individuality, increasing motivation to learn a foreign language, as well as reducing stress due to fear of making a mistake.

The use of digital games for educational purposes should exclude the context of the learning environment. The students change status by becoming a player, and it is possible, at least in part, to make them forget about serious content if they get carried away and, consequently, moves into a playing position. The main advantage is to awaken their motivation and give them the opportunity to accept failure as a loss in the game, and not as mistakes from a linguistic point of view.

Today, you can find educational sites on the web that use the capabilities of forums and blogs, allowing students not only to communicate with each other, but, above all, to communicate with native speakers. This practice gave rise to the concept of "didactique invisible", developed by Olivier [7]. Olivier notes that the speech of students, realized in a communication environment close to real life, but which takes place in a simulated communication situation, strongly depends on the context of the group and the presence of the teacher. After all, the recipient is not an imaginary interlocutor, but the teacher really listens or reads the message and evaluates it. The Babelweb project reflects the concept of "didactique invisible" and offers students the opportunity to publish texts and interact outside the classroom.

2.3 Video platforms as an educational resource

The videos seem to be perfect for bringing an authentic (foreign) language to the classroom and giving an idea of the current language usage. In their private lives, students can now access a large range of videos on commercial video platforms such as YouTube, as well as on educational servers, in media libraries, or on individual teachers' private platforms. Educational videos designed to teach languages are determined by the student's communication needs and foreign language learning skills. Depending on the area of competence, the student's attention is directed and supported, for example, by subtitles, or by subsequent

exercises with filling in gaps. Based on the analysis of the literature and our own Internet research, we can identify some learning styles for the context of a foreign language, implemented in various video formats for different age groups:

1. Dialogue and subsequent videos;
2. Text videos by topic;
3. Animated grammar;
4. Explanatory videos;
5. Game videos – games.

Videos in which language skills are practiced in a playful way range from videos created privately with PowerPoint, for interactive vocabulary memorization, to serious games, second lives, and learning with an avatar. The linguistic skills that need to be used in the context of such virtual storytelling can be transferred to real-world contexts. To help the main characters, not only situational vocabulary is read or written, but also everyday texts, such as emails, applications, or resumes. Thus, the elements of the game are linked to vocabulary and grammar exercises. Areas where specific improvements in foreign language skills can be recorded also relate to cultural and social aspects.

3. Interactive methods and techniques used in teaching a foreign language at a law school

Brainstorming is an operational way to solve a problem, in which participants are asked to express the maximum number of solutions to the problem, even fantastic ones. Brainstorming is one of the most effective ways to stimulate the logical thinking of future lawyers. Students are invited to make amendments to the Constitution, two or three new proposals. They offer their own solutions to the existing problem. All ideas of students are accepted for consideration. They can be real and fantastic, funny and difficult to accomplish. They are fixed either by the teacher or by one of the students. This method allows students to relax and dream, get a high assessment of their abilities, which increases their activity and motivation to learn.

The next learning technology that we would like to talk about is "case-study" (learning by using specific training situations). The immediate goal of the case-study method is to analyze the situation that arises in a particular situation by joint efforts of a group of students and develop a practical solution. The end of the process is to evaluate the proposed algorithms and choose the best one in the context of the problem. The case-method integrates technologies of developing

training, including procedures for individual, group and collective development, and the formation of diverse personal qualities of students. It concentrates significant achievements of the technology of "creating success". It provides for activities to activate students, stimulate their success, and emphasize the achievements of students. It is the achievement of success that is one of the main driving forces of the method, the formation of stable positive motivation, and the increase of cognitive activity.

The case method consists of three stages. At the first stage, students try to find the essence of the problem and specific ways to solve it. At the second stage, students exchange opinions in small groups, and then there is a group discussion under the guidance of the teacher. The peculiarity of the technology is that the teacher does not give a qualitative characteristic of the answers – any statement is perceived as acceptable. The use of this technology contributes to the activation of the educational process and is also an effective means of forming the cognitive and language capabilities of students [3:226]. Working with cases creates different professional qualities for students. There are the following abilities, among them: the ability to work with information, to decide, to quickly respond to information received, to work in a team.

Role game is playing out pre-modeled life situations in the interests of mastering their behavioral or emotional side. Students are divided into groups of several people and choose certain roles for themselves. The advantage of this method is that it allows you to feel genuine emotions and experience certain states, which will undoubtedly arouse even more interest and motivation to learn. As role-playing games, you can play scenes of trials, excerpts of detective stories, or scenes from the history of Great Britain and other English-speaking countries. In such a game form, it will be easier and more interesting for students to apply the studied lexical and grammatical material in practice, which is the goal of training in general.

In turn, this form of learning as "interview" can be designed in the form of documentary interview allows you to participate in the creative process of creating a mini video, interview of opinions (it can be an exchange of opinions and facts), interview – "press conference", with the obligatory roles, study grammar topics Wh– questions formation and the introduction of essential communicative cliché.

Pedagogical technologies that reflect a learner-centered approach include: small group learning (cooperative learning), project method, multi-level learning, "student portfolio", individual and differentiated approaches to learning [7].

The main objectives of cooperation learning are to involve each student in an active cognitive process, to develop social interaction skills, social adaptation of students, to form and develop communication skills and intellectual skills of critical thinking.

Students in small groups should learn to think independently, empathize, collaborate, find mutual understanding with classmates, adequately perceive criticism, develop thinking, plan a specific work in detail, step by step, provide results, and maintain documentation/protocol. This method provides the learners the opportunity to learn from their classmates, to show their strengths, contributes to the development of inner potential of the student, their independence, formation of readiness to work in a team in terms of division of labor, willingness to take responsibility for decision-making. As part of the lesson, students in small groups may be asked to create a dictionary of legal terms and present their results to the audience; based on the text, conduct a role-playing game, using the material of the text and words and expressions for discussion.

The cooperative learning method promotes active interaction between students of different abilities and levels of training, as well as stimulating individual learning in small groups. The training group can be divided into heterogeneous groups of 3-5 people (by the level of training). Each small group receives one task, which is a sub-task of the general one that the whole group is working on. For example, a common task is to compare the activity of the Prosecutor's office in Russia and in the UK, and sub-job is: to list the job duties of the Prosecutor in Great Britain and Russia arising from the regulations, the tasks of a notary and a lawyer, etc. In the result of joint work of small groups is achieved by the solution of the overall task.

Students may be asked to act as journalists who write articles about the UK's constitutional bodies. They are organized in groups of 4-6 people to work on a task (tasks performed by a particular constitutional body). Each member of a small group finds material in its own part. Then students who study the same question but are in different small groups meet and share this information as experts on the subject. This is called a "meeting of experts". Then they return to their small

groups and teach everything new that they have learned from other members of small groups.

The group form of training allows to use almost all students during classes. The disadvantages of this method include, in particular, the inability to control the contribution of each group member to the solution of a particular problem, difficulties arising in connection with the multi-level training of students, interpersonal conflicts.

The necessary prerequisites for the organization of work in the group are: dividing students into groups (for example, by random selection, by interests), distribution of roles in the group (such as leader/coordinator, secretary, speaker, timekeeper), clear wording of the proposed tasks, reporting forms, provision of necessary materials, evaluation criteria.

There are four phases of training sessions with the use of cooperative learning (group work): preparation phase: choosing a topic for working in a group, a clear formulation of the task, determining the level of training of students, the principle of division into groups. The lesson phase includes certain rules set by the teacher that students follow, the distribution of roles in the group, the presentation and evaluation of results (written report, exercises, expert interviews, collages, presentations, and discussions). The reflection stage suggests discussing the results achieved and analyzing errors.

Group exercises allow to activate speech activity. The conscious use of various types of group exercises allows the teacher to plan the lesson more purposefully, avoid monotony and uniformity in the form of exercises, maintain the interest of students in learning a foreign language, provide motivation for speech and contribute to the activation of educational activities.

Training, as a teaching method, from a methodological point of view, is a type of interactive training within the framework of a personal-activity approach that reproduces situations of social interaction and assumes an active impact on the student. Training technology is implemented in practice through the development of various skills of foreign language communication, stimulating educational and cognitive, intellectual, communicative, professional needs of students, as well as mastering communication techniques and means of their implementation – both verbal and non-verbal.

For example, training "Interview for a job in a law office". The purpose of the training is to develop the skills of passing an interview for a job, to get the skills of

answering various questions, both professional and general ("Why did you choose our office?", "What career do you want to make in law?", "What salary would you like to have?"). Thus, the use of training contributes to the socialization of the student's personality, the formation of cooperation skills, the ability to make decisions, etc.

As part of the study of the topic "Written business communication of a lawyer", future lawyers should study the features of numerous official documents: a business letter, a Protocol, a report, a certificate, a report and an explanatory note, an act, a statement, a contract, etc.

One of the main methods for solving this problem is the "business correspondence analysis method". The use of this method is organized for microgroup work of students. For each group, the teacher prepares identical packages of documents related to the activities of a particular justice body, enterprise, institution, or its division. Moreover, the folder can include documents that are necessary to solve the problem, as well as unnecessary documents that are not relevant to the case. The folder contains letters from third-party organizations, memos from the heads of related or subordinate departments, from specialists; outgoing letters prepared for signature; reports and even private documents that are not related to the case or beyond the competence of this employee. Each micro group acts as a decision-maker – judge, lawyer, juror, head of the legal Department, etc. Students should be offered a solution to the problem that is correct both from the legal point of view and from the point of view of the rules of business communication [10:207].

3.1 Reading as an interactive process

The interactive process, according to modern concepts, can also represent reading, which is expressed in decoding words and recreating the meaning. This is a cognitive process in which the student asks questions, makes assumptions and conclusions about the studied written texts.

According to Umberto Eco, it is impossible to understand and translate a text using only syntactic and semantic knowledge, without considering its cultural nature. Understanding is the result of collaboration between the learner's knowledge and the text. As part of the methodology for teaching reading in a foreign language, "collaboration" should be an "interaction" between the student's cultural competence in the native language and the text in a foreign language. This

competence, acquired in the native language, will allow you to overcome language difficulties in reading a text in a foreign language [2].

Texts are important resources in teaching a foreign language in the field of law. The teacher should encourage students to practice reading in order to ensure understanding of written language. Reading is the interaction between the text and the learner, and the learner gradually becomes an active reader who discusses, criticizes, and is able to produce written texts by himself. Reading exercises allows to master the written language and provide an understanding of the codes and clichés inherent in various genres. During the course of reading, students learn genres and types of texts, forms of writing and expression, the use of adjectives, verb tenses, grammatical rules, various uses of words and their use in context.

As the student reads legal texts, he or she accumulates intertextual competence, which allows them to successfully overcome linguistic difficulties in understanding the legal text. The experience of reading various types of legal texts allows him to anticipate and make assumptions about the meaning of the text.

The method of gradual disclosure of meaning implies the definition of the known element, which is the starting point in expanding the understanding of the global meaning of the text. The method of detecting visual signals, for example, in the press, allows to anticipate the content and fill in gaps.

We offer four stages of working with text in the audience. At the first stage, the teacher must direct and activate the learner's knowledge of the content of the text. This is a preliminary stage. The second stage should also take place before reading and consists of a cursory review of the text. This is an observation or hint that allows you to understand the meaning. The third step is reading for a specific purpose, which leads to motivation, understanding the content, but there is no evaluation. At the fourth stage, the interaction between the learner's knowledge is consolidated. This also promotes interaction between students, because most of the time the teacher makes them respond verbally, discuss, and exchange opinions.

The students should be active while reading, but in a language class, they often become passive and just listen to the teacher. Especially in numerous classes, the students do not take part in the learning process, it is difficult to express their thoughts. In this case, students need a learning environment in which they can share their skills with their classmates, participate in the learning process, and more easily express themselves in relation to individual work.

The text is an important tool for improving oral speech skills, as it contains the subject of discussion, language tools necessary for the formation or formulation of thoughts. However, it is advisable to use an audio text instead of a printed text as a more natural communicative justified content basis for the development of expressive oral speech. Thus, listening is a means of learning to speak.

Working on an audio text involves the following steps:

- 1) performing pre-text tasks;
- 2) listening to text;
- 3) performing post-text tasks that include
- 4) getting into speaking and further developing your speaking skills; the goal of the tasks is to control the understanding of what you have heard.

At the first stage of work, pre-text tasks are performed. For example, preparation of sociograms in the “micro-group”, which motivate students, introduce a theme, activate knowledge. It is possible to give illustrations. With the help of illustrations, the situation presented in the audio text is visualized. Probabilistic forecasting and language guessing exercises are also useful at this stage.

At the second stage, the text is listened to twice with pre-installation:

- a) listen to the text and convey its main idea;
- b) listen to the text again, try to understand its content in detail.

At the third stage, post-text tasks are performed, which make it possible to make sure that the content of the text is correctly understood in detail: listen to the sentences, clarify or correct the statement according to the listened text; use phrases that express agreement or disagreement.

In case of interrelated training, it is advisable to use combined tasks that contribute to the development of both listening and speaking skills. For example: make a plan of the text you listened to in the form of questions, and then, using the questions you made, ask your neighbor about your university; imagine that you are a guide, and tell the tourists about the Saratov State Law Academy, etc.

Conclusion

Under the traditional method of teaching foreign languages, only active students win, which does not contribute to the academic and social development of students. They find it difficult to understand and cannot discuss, express themselves, or exchange ideas in a similar learning situation. Today we are moving to a "dynamic" approach in teaching/learning, where students become

more active, responsible for their learning and able to use their knowledge in the learning process.

The priority of concentration on the student has long been at the heart of the methodology of teaching foreign languages. Co-education encourages active learning of students who are grouped in small heterogeneous groups. This method promotes support and mutual assistance among students who are motivated to achieve a common goal. It is noted that students learn better, succeed more, develop teamwork skills and enjoy learning together.

The advantage of interactive methods is that they arouse students' interest, give them the opportunity to participate actively in the educational process, express their own opinion, create and fantasize.

Group learning contributes to the process of self-discovery, self-realization, self-improvement, allows, in our opinion, to improve the interest of students in learning material, to study in depth a particular aspect of the topic, develop a positive attitude to learning a foreign language in high school.

The effectiveness of work, progress in mastering communication and speech skills, novelty, creativity and prospects of activity can form a stable interest in learning a foreign language. The methods and stages of work discussed above remain relevant in the digital environment. With the changing culture of learning, students in foreign language classes are also calling for the inclusion of more digital media. Digital literacy is the key competence of both the student and the modern teacher. Video conferencing, as a technology for presenting interactive information over a distance in real time, is the same training ground for using models of social interaction in the framework of learning a foreign language as a regular seminar. The online workshop is an opportunity to diversify the lesson material, visualize it with interactive posters and tasks, and transform it to meet new professional requirements and the accessibility of the digital environment. The main difference from a regular seminar session is, in our opinion, that an online seminar requires detailed planning and distribution of tasks among the participants of the seminar, so that each student/group (such as the session halls in ZOOM) works on their task/aspect. In addition, the amount of independent work increases.

The above-mentioned methods and techniques of teaching, the practical orientation of training should, in our opinion, stimulate a steady interest in a foreign languages learning. The advantage of interactive methods is that they

arouse students' interest, give them the opportunity to participate in the learning process actively, express their own opinions, create and fantasize.

References

1. Council of Europe (2001). Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Cambridge University Press (in English).
2. Eco, U. (2008) Lector in fabula. The role of the reader or interpretative cooperation in narrative texts. Paris: Grasset&Fasquelle (in English).
3. Kaminskaya, E.V. (2010) Sovremennye tekhnologii obucheniya inostrannym yazykam v vuze. [Modern technologies of teaching foreign languages at the University]. *Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu yazyku i perevodu v vuze* [Professionally-oriented teaching of foreign language and translation at the University]. Moskva: PFUR., 224-229 (in Russian).
4. Kudryashova, S.V. (2019). Ispol'zovanie internet-resursov v obuchenii inostrannomu yazyku [Use of Internet resources in teaching a foreign language]. *Sovremennye napravleniya v lingvistike i prepodavanii yazykov: problema metoda* [Modern ways in linguistics and language teaching: the problem of the method], 3, 125-129 (in Russian).
5. Mullen, T., Appel, C., Shanklin, T. (2009). Skype-Based Tandem Language Learning and web 2.0. In Thomas M. (Dir.), *Handbook of Research on Web 2.0 and Second Language Learning*, New York: Information Science Reference, 101-118.
6. Novye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya (2002) [New pedagogical and information technologies in the education system]. Moskva: Akademiya (in Russian).
7. Ollivier, C. (2012). Approche interactionnelle et didactique invisible – Deux concepts pour la conception et la mise en œuvre de tâches sur le web social. *Médias sociaux et apprentissage des langues: (r)évolution?* *Alsic*, 15, 1. URL: <https://doi.org/10.4000/alsic.2402>
8. Pegrum, M. (2009). Communicative Networking and Linguistic Mashups on Web 2.0. In M. Thomas (Ed.), *Handbook of Research on Web 2.0 and Second Language Learning*. *Information Science Reference*, 20-41.
9. Perrenoud, Ph. (2003) État des lieux. À quels problèmes le système éducatif est-il confronté aujourd'hui. In *Éducation & Management*, 24, 26-29.
10. Rodionova, O.S., Abramova, N.V., Kalinina, M.G. (2015) Obuchenie raznym vidam inoyazychnoj rechevoj deyatel'nosti (na materiale nemeckogo yuridicheskogo i delovogo diskursov) [Different types of foreign language teaching]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. [Bulletin of Saratov State Law Academy], 5, 207-212 (in Russian).
11. Titova, S. V., Filatova, A. V. (2010) Tekhnologii Veb 2.0 v prepodavanii inostrannykh yazykov [WEB 2.0 technologies in foreign languages teaching]. Moskva: OOO Firm "P -Tsentr" (in Russian).
12. Zimnyaya, I.A. (1991). Psihologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole [Psychology of teaching foreign languages at school]. Moskva: Prosveshchenie (in Russian).

УДК 378.147

DOI:

ББК 74.268.1Нем

МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА КАК КРИТЕРИЙ ПОИСКА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Родионова Ольга Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, rodionovakdf@yandex.ru

Саковец Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, sa-kovetssa@yandex.ru

Лазовская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Lazovskaya.natalia@gmail.com

Перевод является многогранным аспектом изучения, а обучение переводу стало составной частью преподавания иностранного языка. Комплексная психолого-педагогическая, информационно-технологическая и методическая подготовка студентов к переводческой деятельности является целью обучения в рамках дополнительной образовательной программы подготовки переводчиков текстов по специальности, специфической особенностью которой является профессиональная направленность процесса обучения, основывающаяся на всесторонней лингвистической подготовке. Переводческая компетенция базируется на теоретических знаниях в области лингвистики и получаемой специальности, на практических умениях, связанных с отбором и переработкой информации, развитием фоновых знаний, выработкой стратегии, позволяющих выполнить перевод и, следовательно, обеспечить успешную коммуникацию репрезентантов различных лингвокультур. Авторы обращаются к вопросам, связанным с теорией и практикой перевода и методикой его преподавания. Актуальность предпринятого исследования обусловлена обращением авторов к проблеме модели перевода, релевантной для преодоления его лексических трудностей, к вопросу выделения смысловых элементов (сем) в исходном тексте и отборе единиц языка перевода, содержащих такие же семы (семантико-семиотическая модель перевода), и выявления факторов, позволяющих оптимизировать данный процесс. Научная новизна заключается в рассмотрении семантико-семиотической модели перевода как критерия оптимального переводческого решения при переводе многозначных слов. Объектом исследования являются «ложные друзья переводчика» (*faux amis*) и многозначные слова.

Ключевые слова: перевод, русский язык, немецкий язык, модель перевода, «ложные друзья переводчика», многозначные слова.

TRANSLATION MODEL AS A CRITERION OF TRANSLATION SOLUTION IN THE PRACTICE OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Olga S. Rodionova, ORCID ID 0000-0001-6198-593X, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, rodionovakdf@yandex.ru

Svetlana A. Sakovets, ORCID ID 0000-0001-5154-7629, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, sakovetssa@yandex.ru

Natalia V. Lazovskaya, ORCID ID 0000-0001-9879-1573, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, Lazovskaya.natalia@gmail.com

Translation is a multifaceted aspect of learning, and translation training has become an integral part of teaching a foreign language. Comprehensive psychological, pedagogical, informational technological and methodological training of students in translation activities is one of the aims of an additional educational program for translators in the sphere of their major. Its specific feature is the professional orientation of the learning process based on comprehensive linguistic training. Translation competence is based on theoretical knowledge in the field of linguistics and the major, on practical skills related to the selection and processing of information, the development of background knowledge and the strategy formulation to complete the translation and, therefore, to ensure successful communication of representatives of different language cultures. The authors consider some issues related to the theory and practice of translation and the teaching methodology. The relevance of the undertaken study is due to the authors' appeal to the problem of the translation model, which is relevant for overcoming its lexical difficulties, to the issue of distinguishing semantic elements (semes) in the original text and selecting units of the language of translation containing the same seme (semantic-semiotic translation model), and identifying factors to optimize this process. Scientific innovation consists in considering the semantic and semiotic model of translation as a criterion for the optimal translation solution when translating polysemantic words.

Keywords: translation, Russian language, German language, translation model, faux amis, polysemantic word

Введение

Современное переводоведение нацелено на выявление наиболее общих закономерностей перевода как специфического вида речевой деятельности, то есть на выявление переводческих универсалий [12:8]. Учеными исследуются жанровые особенности переводимых текстов, различные формы и типы переводов, машинный или автоматический перевод, выявляются прагматические и социолингвистические факторы перевода. Задача теории перевода, по мнению А.В. Федорова, заключается в: «1) выявлении закономерностей

в соотношении между подлинником и переводом; 2) в способности обобщать в свете научных данных выводы из наблюдений над отдельными частными случаями перевода; 3) в опосредованном способствовании переводческой практике, которая могла бы черпать в ней доводы и доказательства в поисках нужных средств выражения и в пользу определенного решения конкретных задач» [17:14].

Для теории перевода связь с практикой являлась неотъемлемой чертой с самых первых шагов её развития. Теория перевода пытается создать модель перевода, которая показывала бы соотношение текста оригинала и текста перевода в лингвистических терминах. Такая модель позволяет изучить закономерности перевода, соотношение интра- и экстралингвистических факторов. В настоящее время лингвистами выделяются семантико-семиотическая модель перевода, ситуативная (денотативная) модель перевода, функционально-прагматическая (динамическая) модель перевода, герменевтическая модель перевода, отражающие схематическое представление процесса перевода. Немецкими лингвистами разрабатываются, например, двухфазовая модель перевода, трехфазовая (коммуникативная) модель перевода, стратификационная модель перевода, функциональная (факторная) модель перевода [4: 191]. Несмотря на наличие множества моделей процесса перевода, отражающих тот или иной аспект анализа, в настоящее время не существует какой-либо универсальной модели перевода. Лингвистическая модель перевода имеет своим следствием широкое использование уже познанных лингвистических закономерностей перевода в качестве основы для построения методики преподавания.

Сохранение содержания как цель эквивалентного перевода

В учебных пособиях представлены в основном лексические, грамматические, стилистические основы перевода. Преподнося большой объем знаний, такие пособия, на наш взгляд, не нацеливают на формирование необходимых на практике навыков перевода. Выработка навыка перевода, как деятельность, характеризуется жесткими параметрами времени и объемом перерабатываемой информации.

Особенность процесса перевода выделяется во многих работах. В.Н. Комиссаров, например, наблюдая за переводческим процессом, считает, что нет оснований для выделения этапов, «на каждом из которых устанавливалась бы эквивалентность на каком-то одном уровне» [9:162].

А.Д. Швейцер формулирует так: «Процесс перевода может быть охарактеризован как процесс поиска решения, отвечающего определённому набору варьирующих функциональных критериев» [16: 264].

Поиск решения происходит двумя путями: выбор цели и подбор средств ее реализации на коммуникативном уровне (подбор соответствия) и на лингвистическом уровне (проверка употребительности). Это имеет своим следствием принятие однозначного решения. Переводчик сосредотачивает усилия на ключевых участках поиска, где он не удовлетворен возможным вариантом перевода. Например, имея четкое представление о передаче синтаксической структуры, переводчик направляет свой поиск на подбор лексических эквивалентов, что не означает, что затрагиваются только однородные элементы высказывания. Необходимо искать частные решения одновременно на всех уровнях системы языка, расширять поиск, пересматривать свои первые решения, которые сначала не вызывали сомнений, когда поиск в первоначальном направлении не удался (например, синтаксическую структуру предложения нужно изменить ввиду того, что невозможно найти слово с необходимыми грамматическими свойствами).

При переводе с одного языка на другой необходимо сохранять общий смысл информации, идеи и понятия, содержащиеся в ней. При этом должна быть отражена коммуникативная направленность высказывания. При переводе сообщения из всех возможных вариантов выбирается то слово (словосочетание), которое наиболее точно отражает логические связи оригинала, что представляется особенно важным в аспекте перевода юридических текстов, коммуникативное задание которых имеет предписывающий и объективный характер. Необходимо следовать цели высказывания. Это будет способствовать правильному выбору грамматического оформления данного высказывания.

Человек занимается переводом с древних времен. Различие языков подвигло людей к этому процессу, цель которого общение, обмен информацией, культурными ценностями. Главная цель перевода – сохранение содержания, коммуникативных, стилистических особенностей текста оригинала. Перевод требует донесения до читателя, слушателя точной информации оригинала, смысла текста.

Л.С. Бархударов рассматривает перевод как процесс, при котором речевое произведение на одном языке преобразуется в речевое произведение на

другом языке при сохранении плана содержания, то есть значения [5:11]. В данном определении все внимание сосредоточено на основном требовании к переводу – правильно передать содержание текста исходного языка. Если это требование будет нарушено, могут возникнуть ошибки. Анализ ошибок, возникающих в процессе перевода, играет важную роль. Существует множество классификаций ошибок, имеющих своей целью их выявление, указание причин их появления. В качестве ошибки большинство исследователей рассматривают «необоснованное отступление от нормативного требования эквивалентности, то есть содержательного соответствия перевода оригиналу» [17: 210], «меру дезинформирующего воздействия на читателя» [10:49]. В концепции Н.К. Гарбовского представлена типология причин переводческих ошибок, построенная на основе анализа когнитивного опыта переводчика. Причинами переводческих ошибок могут быть как недостаточное знание языка, так и отсутствие фоновых знаний в конкретной области, непонимания предметной ситуации, неумение различить особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения [6: 514]. К. Норд различает переводческие ошибки, выражающиеся в невыполнении переводческого задания, подразделяющиеся на прагматические, культурные и формальные ошибки, и собственно языковые ошибки, причиной которых может быть недостаточное знание языка, отсутствие справочных материалов [18: 386]. Ошибкой мы вслед за Л. К. Латышевым считаем «неправильность, непреднамеренное отклонение от нормативного, стандартного, правильного, отступление от правил, нарушение требований» [11: 15].

На практике доказано, что существуют единицы исходного языка, в основном лексические, которые подталкивают переводчика к ошибкам. Например, «ложные друзья переводчика». Данное явление относят к межъязыковой асимметрии плана содержания и рассматривается в рамках переводческой интерференции. Языковая асимметрия отражает нарушение упорядоченности, равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы. Межъязыковая асимметрия такого явления, как «ложные друзья переводчика», заключается в восприятии знака переводящего языка как эквивалента знаку исходного языка при наличии, как правило, сходных фонетических оболочек, но отличной семантики или особенностей функционирования в речи [6: 324]. В качестве ложных друзей рассматриваются ин-

тернационализмы, слова, одинаково звучащие и/или пишущиеся в исходном языке и языке перевода, но имеющие разное значение.

Можно выделить несколько типов «Ложных друзей переводчика». Это могут быть слова, имеющие одинаковое звучание, но абсолютно разное значение в сравниваемых языках, например, в немецком языке слово *'der Termin'* означает не «термин», а «договоренность о встрече, срок». Это и многозначные слова с одинаковым звучанием в исходном тексте и тексте перевода, но с частичным совпадением значений, например, *'der Ingenieur'* означает не только инженера (специалиста с высшим образованием), но и техника (специалиста со средним образованием); *'die Partei'* – в немецком языке (политическая) партия, сторона в процессе, в русском языке (политическая) партия, а также определённое количество товара, законченная игра; *'die Kammer'* – в русском языке технический термин 'камера' (закрытое пространство внутри какого-либо прибора, машины), 'камера' (помещение специального назначения), в немецком языке также *'palata'* (парламента), *'palata'* (судебная или государственного органа); *'die Disposition'* – диспозиция, в русском языке – план расположения войск, флота для боя или на месте стоянки, в немецком языке – распоряжение, диспозитивная часть правовой нормы, диспозиция; *'die Position'* – в немецком языке 'служба', 'пост', 'должность', 'статья' (бюджета), 'положение', в русском языке – 'положение, расположение кого-, чего-либо'. При переводе могут возникать ошибочная семантизация лексем, неверное истолкование информации исходного текста, влекущее искажение содержания, неточности в передаче стилистической окраски или лексической сочетаемости, в словоупотреблении. Использование словарей, в том числе и специализированных, анализ значений языковой единицы, специфика её сочетаемости в составе речевого отрезка позволят избежать ошибок в переводе.

Семантико-семиотическая модель перевода как критерий оптимального переводческого решения при переводе многозначных слов

Чтобы правильно передать содержание переводимого текста, нужно знать все значения многозначного слова, правильно подобрать эквивалент в языке перевода. Возникает множество ошибок, связанных с неумением различать значения полисемантических слов, слов с переносным значением. На подобного рода ошибки указывает Д.И. Арбатский [2: 32].

Значения полисемантов в исходном языке и в переводящем языке могут совпадать только частично. Перевод «многозначных слов и слов с широкой понятийной основой, для которых характерна множественная семантическая эквивалентность, предполагающая поиск нужного семантического соответствия на основании учета условий контекста – таких, как: сочетаемость с определёнными словами, вхождение в состав определенной синтаксической модели, свободный и устойчивый характер сочетания или предложения, функционально-, нормативно– и экспрессивно-стилистическая окраска, колорит и условия конкретной коммуникативно-прагматической ситуации» [7: 32], предполагает обращение к анализу контекста, так как основным приемом перевода многозначных слов признается дифференциация значений, а направление интерпретации значений задается контекстом, обуславливающим актуализацию семантических компонентов значения слова.

Под контекстом понимается словесное окружение, в котором употребляется та или иная подвергающаяся анализу лексическая единица, это, как правило, фрагмент текста, в котором уточняется значение слова. Именно контекст помогает найти среди синонимов правильный вариант перевода многозначного слова или подобрать адекватную лексическую единицу в случае отсутствия эквивалента в языке перевода.

Ситуативный или экстралингвистический контекст, обусловленный фактами реальной действительности, фоновыми знаниями, речевой ситуацией; лингвистический (лексический и синтаксический), логико-семантический контекст, уточняющий семантику анализируемой языковой единицы, и стилистический, выявляющий заданные тезаурусом связи поэтического слова, а также микро– (словосочетание или предложение) и макроконтэкст (широкий контекст, языковое окружение, выходящее за рамки предложения), связанные с объемом рассматриваемого высказывания, являются предметом исследования теории перевода.

Лингвистический контекст, в его лексическом и синтаксическом аспекте, позволяет проанализировать значимую для перевода лексику для выявления специфики её языкового окружения и анализа синтаксической конструкции, в которой она употреблена. Обратимся к понятиям лексической и семантической сочетаемости, представляющим интерес с точки зрения перевода многозначных слов. Сочетаемость вообще возможна на каждом языковом ярусе для создания единиц вышележащего яруса, при этом каждый ярус мо-

жет характеризоваться своими правилами сочетаемости. Исследования по комбинаторике слов нашли своё выражение в теории валентности как на синтаксическом, так и на семантическом уровне. Актуализация семантического компонента подчиняется закону синтагматического согласования или закону семантического сочетания слов [5: 279]. Именно актуализация потенциальной семы составляет семантическое содержание процесса переноса значения слов. Метод компонентного анализа позволяет определить семный состав единицы языка. Например, компонентный анализ значения глагола 'stehen' позволяет выявить его семантическую микроструктуру, выделить дифференциальную и потенциальную семы, определить сочетаемостные особенности данного глагола [13]. Приведем пример: дифференциальная сема глагола 'stehen' «вертикальная ориентация» реализуется, если глагол 'stehen' сочетается с одушевлёнными именами существительными или с неодушевлёнными именами существительными, обозначающими предметы, которые могут находиться в вертикальном положении, например: *die Zuschauer standen dicht gedrängt, Kopf an Kopf; auf dem Schreibtisch steht eine Fotografie, in der Vase stehen Blumen. Eine, die vorn steht, sagt diesen Satz, und ordnet damit unsere Blicke. Im Auge der Stadt, auf dem großen Platz, steht der Obelisk, ...* Дифференциальная сема «вертикальная ориентация» теряет свою коммуникативную значимость и актуализируется сема «высота» в случае сочетаемости данного глагола, например, с именами существительными, обозначающими космический объект: *die Sonne, der Mond steht am Himmel.*

«Лексическая сторона организации высказывания представляет собой как процесс грамматического комбинирования выбранных лексем, так и процесс, в котором избираемый лексический элемент определяется как прагматическими отношениями, так и его связями с окружающими словами» [5: 277]. Семантическое согласование в рамках синтагмы предполагает наличие тождественной семы в рамках главного и зависимого члена синтагмы. Понятие семы является ведущей в семантической модели перевода. Возможные ошибки могут быть связаны с нарушением норм сочетаемости, обусловленные различиями в объеме значения лексемы исходного текста и текста перевода, так как в переводе не может быть повторена, клонирована семантическая структура знаков оригинального речевого произведения [6: 399]. Одним из способов преодоления такого рода ошибок, на наш взгляд, может быть использование преподавателем лингвистических корпусов текстов

с целью иллюстрации на аутентичном материале особенностей словоупотребления той или иной лексической единицы [14: 296], а также официальные переводы текстов (например, тексты Конституции РФ, Основного закона ФРГ и т. д.), корпуса параллельных текстов.

Правильный выбор слов определяется их стилевой принадлежностью и эмоционально-экспрессивной окраской. Отбор лексики, морфологических форм, сочетаемость слов, синтаксическая структура предложения, фонетическое оформление речи обуславливают специфику функционирования языковых средств в рамках определённого функционального стиля. Необходимо помнить, что наименьшей степенью смысловой общности, которой в принципе не может быть между исходным языком и языком перевода, является эквивалентность на уровне семантики слов [8: 79]. Умение соотносить языковые средства исходного языка и переводящего языка, определять необходимый эквивалент в соответствии с коммуникативным заданием исходного текста характеризует лингвистическую компетенцию переводчика.

Процесс перевода с точки зрения семиотики – это не только перенесение текста в другую знаковую систему, «он не сводится к перекодированию, а представляет собой также и объяснение, истолкование, интерпретацию» [15: 36], это процесс, в котором содержание воспроизводится с определёнными изменениями, так как языковые значения являются переменной величиной, «переводить – значит находить для уже идентифицированных обозначений исходного текста такие значения в языке перевода, которые могут выражать именно эти значения» [15: 38], при сохранении стилистических, прагматических и коммуникативных характеристик исходного текста.

В лингвистической литературе переводческие соответствия при передаче многозначных слов относят к вариативным эквивалентам. Термин «эквивалентность» является ведущим понятием теории переводоведения, подразумевающим коммуникативно-функциональное подобие исходного текста и текста перевода, обеспечивающее эффективность речевой коммуникации. К критериям эквивалентности относят сохранение содержательных, стилистических, функциональных характеристик текста с учётом лингвопрагматических параметров, таким образом выделяется денотативная, коннотативная, нормативно-конвенциональная, прагматическая и формально-эстетическая эквивалентность [1: 324].

Заключение

Анализ сочетаемостных особенностей лексической единицы мы относим к стратегиям медиации. Предпереводческий анализ всего текста, как первый этап перевода, и анализ отрезка текста, как второй этап, позволят выявить актуальное значение многозначного слова с учетом типа текста. Предпосылкой успешного выбора оптимального варианта перевода, на наш взгляд, является сформированность умений и навыков анализа текста, включающего сведения о нём, определение источника и реципиента, состава информации, коммуникативного задания, речевого жанра; умение определять значение слова посредством двуязычных и толковых словарей, а также знание предметной области (например, юриспруденции). Различия в переводе можно объяснять на примере уже имеющихся переводов как художественной, так и юридической литературы. Учет вариативности при переводе, а также навык выбора эквивалента можно тренировать на специально подобранных упражнениях, включая упражнения на сочетаемость слов, в том числе и с помощью лингвистических корпусов данных (data – driven learning, datengeleitetes Lernen – обучение на основе баз данных), упражнения на закрепление юридической лексики и оборотов речи в деловой корреспонденции. Перевод лексических единиц не осуществляется по шаблону. Обучение переводу – это объяснение и усвоение переводческих процедур и приёмов. Каждый раз это поиск решений для конкретного случая. Поиск будет эффективным при владении определёнными навыками и умениями, например такими, как подбор соответствий, редактирование перевода, понимание и отражение в переводе имплицитного смысла высказывания, выявление и сопоставление значения слов в контексте, их лексических фонов в немецком и русском языках, дифференциация сходных по звучанию и форме слов и т. д.

Список литературы

1. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учебн. пособие для студ. филол. и лингв. фак. учебн. заведений. М.: Academia; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004.
2. *Арбатский Д.И.* Ошибки в толковании значений слов и пути их устранения // Русский язык в школе. 1996. № 4. С. 32-37.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
4. *Бокова О.В.* Übersetzungsmodell // Основные понятия немецкоязычного переводоведения: терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН, 2013.

5. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 272-298.
6. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.
7. Дзенс Н. И., Перевышина И. Р., Кошкарров В. А. Теория и практика перевода: учебное пособие. СПб.: Антология, 2007.
8. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
9. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973.
10. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001.
11. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: Academia, 2008.
12. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода. М.: Флинта: Наука, 2018.
13. Саковец С.А. Номинативные свойства стальных и каузативных глаголов немецкого языка: дис... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
14. Саковец С.А. К вопросу об использовании лингвистического корпуса в практике преподавания немецкого языка // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. М.: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирит, 2018. С 295-298.
15. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
16. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973
17. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
18. Nord Chr. Transparenz der Korrektur // Handbuch Translation. Tübingen: Narr, 1998.

Источники примеров

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache – DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/stehe> (дата обращения: 13.02.2019).

References

1. Alekseeva, I.S. (2004) Vvedenie v perevodovedenie: uchebn. posobie dlja stud. filol. i lingv. fak. uchebn. Zavedenij [Introduction to Translation Studies: Textbook for students of philological and linguistic faculties of universities]. St. Petersburg, Moscow: Academia (in Russian).
2. Arbatsky, D.I. (1996) Oshibki v tolkovanii znachenij slov i puti ih ustraneniya [“Errors in the Interpretation of the Meanings of Words and Ways to Eliminate Them.”] // *Russkij jazyk v shkole* [Russian Language at School], 4, 32-37 (in Russian).
3. Barkhudarov, L.S. (1975) Jazyk i perevod. Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda [Language and Translation. Questions of General and Particular Theory of Translation]. Moscow: International Relations Publishing House (in Russian).
4. Bokova, O.V. (2013) Übersetzungsmodell [Translation model] // Osnovnye ponjatija nemeckojazychnogo perevodovedeniya: Terminologicheskij slovar'-spravochnik [Basic Con-

cepts of German-language Translation Studies: Terminological Dictionary-reference Book]. Moscow: INION RAN, 191-192 (in Russian).

5. Gack, V.G. (2009) K probleme semanticheskoy sintagmatiki [On the Problem of Semantic Syntagmatics] // Jazykovye preobrazovaniya: Nekotorye aspekty lingvisticheskoy nauki v konce XX veka. Ot situacii k vyskazyvaniyu [Language Transformations: Several Aspects of Linguistic Science at the End of the XX Century. From Situation to Statement]. Moscow: Publishing House LIBROKOM, 264-271 (in Russian).

6. Garbovsky, N.K. (2007) Teorija perevoda [Translation Theory]. Moscow: Moscow University Press (in Russian).

7. Dzens, N.I., Perevyshina, I.R., Koshkarov, V.A. (2007) Teorija i praktika perevoda: uchebnoe posobie [Theory and Practice of Translation: a training manual]. St. Petersburg: Anthology (in Russian).

8. Komissarov, V.N. (1990) Obshhaja teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. [General Theory of Translation (linguistic aspects): Textbook for foreign languages institutes and faculties]. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

9. Komissarov, V.N. (1973) Slovo o perevode [Word about the Translation]. Moscow: International Relations (in Russian).

10. Komissarov, V.N. (2001) Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies]. Moscow: Publishing House "ETS" (in Russian).

11. Latyshev, L.K. (2008) Tehnologija perevoda [Translation Technology]. Moscow: Academia (in Russian).

12. Nelyubin, L.L. (2018) Vvedenie v tehniku perevoda [Introduction to the Translation Technique]. Moscow: Flinta (in Russian).

13. Sakovets, S.A. (2003) Nominativnye svojstva statal'nyh i kauzativnyh glagolov nemec-kogo jazyka [Nominative Features of State and Causative Verbs of the German Language]: dissertation of Candidate of Philological Sciences. Saratov (in Russian).

14. Sakovets, S.A. (2018) K voprosu ob ispol'zovanii lingvisticheskogo korpusa v praktike prepodavaniya nemeckogo jazyka [On the Use of the Linguistic Corpus in the Practice of the German Language Teaching] // *Russkij jazyk i literatura v professional'noj kommunikacii i mul'tikul'turnom prostranstve* [The Russian Language and Literature in Professional Communication and Multicultural Space]. Moscow: Publishing house "Pero", Saratov: Amirit, 295-298 (in Russian).

15. Shvejcer, A.D. (1988) Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow: Nauka (in Russian).

16. Shvejcer, A.D. (1973) Perevod i lingvistika [Translation and Linguistics]. Moscow: Voenizdat (in Russian).

17. Fyodorov, A.V. (2002) Osnovy obshhej teorii perevoda [Fundamentals of the General Theory of Translation]. Moscow, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (in Russian).

18. Nord, Ch. (1998) Transparenz der Korrektur. *Handbuch Translation*, 384-87. Tübingen: Narr.

Sources of examples

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache – DWDS. URL: <https://www.dwds.de/wb/stehen> (дата обращения: 13.02.2019).

© Родионова О.С., Саковец С.А., Лазовская Н.В.

О ЖУРНАЛЕ

Журнал «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication») издается Редакцией журнала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Устав академии предусматривает в числе других издательскую деятельность. Редакция проводит полную редакционную обработку статей, а также размещение их электронных копий в различных базах данных. Печать журнала производит типография Издательства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Журнал имеет своей целью информирование научного сообщества о современном состоянии и развитии подъязыков науки, а также проблем преподавания языковых дисциплин обучающимся вузов.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках в соответствии с двумя рубриками:

1. Лингвистика.
2. Лингводидактика.

Тематика статей должна быть связана с различными аспектами профессиональной коммуникации в разноструктурных языках:

Статьи, опубликованные в журнале «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication»), индексируются в национальной библиографической базе данных научного цитирования «Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)», научной электронной библиотеке «КиберЛенинка». Электронные копии статей размещаются на сайте журнала <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>. Печатный журнал распространяется по подписке через каталог Агентства «Роспечать». Подписной индекс: 88740.

Адрес редакции: 410056, Саратов, ул. Вольская, 1, офис 618.

Телефон: 8(8452)-29-90-47.

E-mail: a-zarayskiy@list.ru

ЯЗЫК НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

***

LANGUAGE OF SCIENCE AND PROFESSIONAL COMMUNICATION

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (4) 2021

Редактор, корректор – *Е.А. Елина*
Компьютерная верстка – *С.П. Нечитайло*

Сдано в набор 12.03.2021. Подписано в печать ????.2021. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 500 экз. Заказ № ???.

Издательство

Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.